

ТЕНИ ГОРОДА

НИКОЛАЙ СЛИМПЕР

Ночь — время сна, но только не для них. В темных переулках города скрываются существа, что пришли к нам из иного мира, мира, медленно погибающего уже миллионы лет. Но именно на краю гибели инстинкт выживания сильнее всего. Они нашли себе путь в новый мир, живой и уютный, особенно ночью, когда не светит смертоносное солнце. Их тело — сама тьма, их интеллект — инстинкты. Они желают лишь одного — выжить, но для этого им необходима оболочка, обладающая разумом, и единственный вариант — люди. Вот только и среди людей существуют те, кто может им противостоять. Ночь — время Теней. Ночь — время Охотников. Ночь — время Войны.

Пролог

Не так давно прошел холодный морозящий дождь, затопивший дорожные выбоины когда-то чистой небесной водой. Теперь, смешавшись с грязью улиц, при беге она оставляла на черном плаще сзади уродливые разводы. «Опять отдавать в химчистку», — зло подумал бегущий. Он ненавидел дождь, снег и вообще все, что падало с неба.

Узкие переулки между домами были завалены мусором, который жильцам сверху не вмоготу выносить на помойку, а потому они его просто выбрасывали в окно. Жители же нижних этажей прячутся за воздухонепроницаемыми пластиковыми окнами и толстыми занавесками радужных расцветок, посему и им плевать, что там за пределами их уютного мирка.

Бегущему это было только на руку.

Свернув за очередной угол, едва не наступив на кота, черного как смоль, животину, что в последние годы почти перевелись, он, наконец, завидел того, за кем гнался.

Убегающий на миг обернулся, услышав приближающиеся шаги, и преследователь разглядел под капюшоном блеск глаз, в которых читались страх, отчаяние и безумная древняя ненависть. Оборачиваясь, он не заметил перед собой черный мешок с мусором и спотыкнулся, разорвав пакет и разбросав содержимое по всему переулку. Он не упал, но зато потерял драгоценные секунды на восстановление равновесия, и не успел перескочить следующую лужу, как почувствовал болезненный удар в спину и растянулся во весь рост, угодив лицом в пахнущую мочой лужу.

— Прощу, пощади! — взмолился он, перевернувшись на спину и выставив перед собой ладони, ободранные от падения. Его преследователь ничего не ответил. Он хладнокровно достал из-за спины самый настоящий самурайский меч, блестящий желтизной даже в этом темном переулке. Он занес его над головой, чтобы с силой всадить в сердце, но его противник отказался так просто расставаться с жизнью.

Только что молящий о пощаде, он вдруг надел маску злобы, а может, наоборот, снял маску беззащитного человека, — и подскочил — даже взлетел! — с асфальта, ударив с силой расслабившегося преследователя в грудь обеими ногами. Тот отлетал чуть назад, едва не выронив меч, но удержался на ногах, тут же бросившись на противника. Узкий переулок мешал размаху меча, но непривычный пистолет слишком громкий и привлечет ненужное

внимание, и его враг знал, как этим воспользоваться.

Капюшон слетел с его головы, выставив напоказ длинные черные волосы, свисающие с головы, словно мокрое белье, которое давно уже пора выбросить. Блохой прыгнув на стену, он с размах ударил кулаком прямо в лицо преследователя, но в ответ чуть сам не получил резаную рану поперек живота. Он отпрыгнул назад, но вместо повторного замаха, его противник просто сделал прямой выпад. Острие вошло в брюшную полость на добрый десяток сантиметров, причинив небывалую боль.

Преследовать с силой дернул мечом, и кишки врага плюхнулись прямо в грязную лужу, добавляя в уличный коктейль новый ингредиент — густую кровь. Раненый, истошно вопя, развернулся и попытался убежать, но вновь спотыкнулся, на сей раз уже наступив на собственные вывалившиеся потроха. Он рухнул, но тут же вскочил. Успев сделать всего шаг, резко остановился. Секунду спустя его голова сначала откинулась назад, а затем, развернув страшную рану, упала с плеч в лужу, подняв брызги доселе невиданного оттенка.

«Будет вместо зонтика», — почему-то подумалось человеку. Он достал откуда-то чистую белую тряпицу и насухо протер окровавленный клинок.

— *Хорошая работа. Всего раз по роже отхватил. Не можешь без этого, да?*

— Заткнись.

Человек в черном плаще достал одноразовый телефон, набрал одному ему известный номер и проговорил в трубку адрес, после чего бросил мобильник там же. Наутро на том месте не будет ни следа: ни обезглавленного тела, ни белой тряпицы со следами крови, даже от уличного коктейля останется лишь небольшая выемка в потрескавшемся асфальте, выпитая досуха.

Но это уже не его проблемы, свою работу он выполнил, нравилась она ему или нет. Он больше ничего не умел и ни к чему другому не привык.

Глава 1: Охотники

Раньше бар назывался «Маленькое яблоко», вроде как Нью-Йорк в миниатюре (баров с таким оригинальным названием в городе располагалось несколько десятков), но после смерти предыдущего владельца, погибшего при обрушении, кабак отстроил заново уже другой человек и переименовал в бар «Лету». Мало кому нравилось это совсем незвучное название, но владелец — который по совместительству являлся и барменом — плевать на это хотел.

— Выглядишь не очень, — заметил бармен, пододвигая к Джону порцию чистого виски. Тот не заказывал, но настоящий бармен всегда знает, чего желает клиент, даже если тот сам еще не решил. Хотя в данном случае можно было не гадать.

— Запачкал плащ, — посетовал Джон, сделав глоток. — Опять. Тебе хорошо, Бобби, сидишь в теплом сухом баре, знай себе виски подливай, а мы бегаем по холодным грязным улицам, от всякой нечисти избавляемся.

Сам бармен, Бобби, тоже когда-то этим занимался, но после инцидента несколько лет назад решил, что безопасней заведовать кабаком, пусть и не так прибыльно. Конечно, занимался он не только подливанием в опустевшие стаканы градусов, однако оружия в руки не брал.

На самом деле, он был одним из немногих, кто не скрывал своего истинного имени:

Роберт Лонгдон, хотя многие знают его как Демиурга. Когда-то он являлся профессором, преподающим историю религии и мифологии в престижном заведении, но после Великой Мировой Катастрофы, которая не оставила от университета, в котором он преподавал, камня на камне, и последующих событий, он решил завязать с профессорством и сменить теорию на практику.

Теперь же он владелец бара и помогает таким, как Джон, в качестве посредника.

— Надо зайти к точильщику, — сказал Джон, допивая третий стакан виски. — Последнему я еле-еле башку снес, еще немного, и я этим мечом даже поцарапать никого не смогу.

— Опять ты со своим дурацким мечом, — слышался сзади веселый голос.

— Майлз, — отозвался Джон, не оборачиваясь.

— Я же просил звать меня Тором.

— Слишком круто для тебя. Не боишься, что кто-то узнает твое настоящее имя?

Майлз, который Тор, сел за соседний высокий барный стул и заказал крепкого пива. Он считал, что лишь пиво можно считать по-настоящему мужским напитком.

— Это обратная психология, Джонни, я ж тебе объяснял. Если мое прозвище похоже на настоящую фамилию, никто ведь и не подумает, что все так просто.

— Я подумаю.

— Ну, ты другое дело, — усмехнулся Тор, сделав несколько больших глотков и как следует ахнув от удовольствия. — Мы с тобой учились в одной школе.

— Вот именно. Свое имя я не скрываю, и если кто-то откроет мой школьный альбом и увидит, что со мной в одном классе находился некто по имени Майлз, фамилия которого невероятно похожа на твое прозвище...

— Ой, да не трюнди, — перебил его здоровяк. — Что в школе был занудой, что сейчас. Майлз допил пиво и заказал еще одну порцию пенного.

— Если помнишь, я тебя бил в школе, и вообще был отъявленным хулиганом.

Джон никак не мог забыть эту часть своего прошлого, то и дело вспоминая, каким он был придурком, а потому не мог поверить, что тот, над кем он смеялся больше всех, вот так просто простил его.

— И я тебе за это благодарен. Если бы не ты, я бы не захотел стать сильным, каким являюсь сейчас. — Тор напряг руку и даже сквозь одежду было видно, как раздулся его бицепс, едва не превосходящий голову Джона. — Видал? Мышцы настоящего Бога! — Он поцеловал свои мускулы, потом взял новую кружку и несколькими большими глотками вылил в себя все без остатка.

— Так, я в сортир, — сказал он, громко ударив кружкой о барную стойку.

— Он мне так когда-нибудь всю посуду перебьет, — посетовал Бобби, когда Тор отошел.

— И не говори. Сила есть, ума не надо.

В детстве Майлз и правда был довольно щуплым и высоким, как рельса, за что над ним часто издевались одноклассники и даже кто постарше. После Великой Мировой Катастрофы Майлз, как и многие, изменился. Он перестал кого-либо бояться и постоянно давал отпор, и через некоторое время от него отстали вовсе, а точнее после того, как он навалил своему главному обидчику и грозе всей школы — Джону. Тор осознал, что не такой уж он и слабак, как ему все вокруг пытались внушить, и чтобы не только являться сильным, но и выглядеть соответствующе, он начал ходить в тренажерный зал и тягать железо, что быстро переросло из простой необходимости и желания выглядеть лучше в серьезный бизнес, приносящий

доход. Каждый матч подпольного бокса до сих пор приносит ему круглую сумму на счет, хотя это скорее хобби, чем основной источник дохода.

— Есть что еще для меня? — спросил Джон.

— Через пару часов рассвет, — ответил бармен, — так что на улицах сейчас довольно спокойно. Последние Охотники добивают мелкоту и расходятся по домам, чего и тебе советую.

— Дома мне нечем заняться.

— Ну и здесь тоже, — развел руками Бобби. — Я не ты, мне нужно поспать и набраться сил.

Из туалета вернулся Тор с сияющей улыбкой на большом бородатом лице. Он часто улыбался как бы в противовес Джону, который редко проявлял сильные эмоции, особенно отражая их на лице, за что его часто упрекали за чрезмерную хмурость.

— Что тебя так развеселило? — поинтересовался Джон.

— А разве для веселья нужен повод?

— Нормальным людям — да.

— Не трынди. Бобби, налей-ка мне еще.

— Уверен? Домой-то дойдешь?

Несмотря на массивные размеры, Тор довольно быстро напивался, но сам он в это верить отказывался, а потому пил до последнего, пока не свалится, из-за чего его приходилось оттащить домой остальным. Наутро же он ни черта не помнил и считал, что добрался самостоятельно.

— Да ладно, Бобби, что мне эти две кружки? Я их только что вылил обратно. Еще одну выпью и пойду. Я ж плачу, наливай давай!

Бобби, покачивая головой, все же подставил очередную кружку под пивной кран. Не в его правилах было отказывать другим, особенно если этот другой пока еще в состоянии шевелить языком.

— Ладно, — сказал Джон, — ты как хочешь, а я пошел, если для меня работы нет.

— Ага, давай-давай. Не забудь наточить свой меч перед сном, — сказал Тор и рассмеялся над собственной шуткой, которая закончилась смачной отрыжкой.

Самый темный час перед рассветом.

Джон шел по пустынной улочке, которая едва освещалась кривыми фонарными столбами, некоторые из которых играли лишь одним им известную светомузыку. Джон никак не мог понять, почему местные власти, зная об истинном положении дел, вообще полностью не залили улицы Нью-Йорка светом, чтобы даже теней не было. Он как-то слышал, что такое пытались сделать, но жильцы домов пожаловались на то, что они не могут заснуть под такой яркий свет, бьющий им в окна. «Скажите спасибо, что вы вообще просыпаетесь по утрам», — подумал Джон.

Проходя мимо узких переулков, он невольно в них заглядывал, внимательно осматривая и сжимая в кармане нож. Они могут напасть в любую секунду.

Впереди показался свет фар. Полицейская машина. Большая редкость для ночных улиц Нью-Йорка. Она ехала медленно, но заприметив одинокого гуляку, замедлила ход еще больше. Заметив торчащий из-за спины меч, патрульные тут же поддали газа и проехали мимо. Таким, как он, можно пребывать на улице даже в комендантский час; точнее, только в это время и можно.

Ночь — время Охотников. Ночь — время Теней. Ночь — время Войны. А война не место для невинных.

Все три комнаты в квартире Джона были обставлены в стиле минимализма, как ему говорили все, кто здесь бывал, но сам Джон называл это простотой. Один диван-кровать, который со времен покупки ни разу не раскладывался, широкоэкранный телевизор, небольшой столик с ноутбуком, пара стульев и... все. Остальные две комнаты казались почти пустыми, у них даже обоев на стенах не было. В углу первой стоял шкаф с вещами, в котором преобладало черное, а вторую Джон использовал как тренировочную комнату, заваленную мечами, ножами и разным инвентарем.

Джон полежал часок в горячей ванной, потом приготовил себе нехитрый завтрак, сел на диван и включил телевизор, в котором только начинались утренние программы. Он их ненавидел за нескончаемую тупость — ну кому в шесть утра интересно, как сделать скворечник из старых дырявых носков и банки из-под кофе? — но не мог есть в тишине.

Поев, он, не выключая тарахтящий на фоне зомбоящик, положил на колени ноутбук и зашел на закрытый сайт Охотников. На нем можно было посмотреть статистику убийств, как в конкретную ночь, так и за весь период деятельности. Поначалу Джон очень гордился своими достижениями, быстро набирая баллы, но со временем азарт прошел, остались только инстинкты. Он в чем-то завидовал новичкам. И сочувствовал одновременно.

В интернете мало кто верил в Охотников и Теней. Это что-то вроде городской легенды. А ведь когда-то Тени заполоняли город и считали себя настоящими хозяевами, выкашивая людей сотнями и захватывая их тела. Но из-за Великой Мировой Катастрофы никому не было дела до каких-то фантастических существ, появившихся после, потому что свидетелей их деятельности обычно не оставалось в живых, а тем немногим, кому удалось спастись, никто не хотел верить. Многие из них превратились в городских сумасшедших, которые на каждом углу с пеной у рта предупреждали о грядущем конце света. Обычно им отвечали, что он уже был.

Пусть горожане и не верили, зато верило правительство. Тысячи ученых работали и работают в секретных лабораториях по всему миру, пытаясь понять, что же произошло почти десять лет назад, в 2020 году, когда более пятисот миллионов человек погибло в страшной катастрофе за всю историю человечества.

С 2021 года почти во всем мире ввели комендантский час, длящийся с захода солнца и до самого его восхода. Естественно, что очень многим это не понравилось и не нравится до сих пор, ведь это ограничивает их права в передвижении, а внятных объяснений необходимости такого положения дел никто дать не в силах. Не может же правительство выйти и сказать, что по ночам на улицах города появляются существа из другого мира, желающие захватить тела всех людей, до кого смогут дотянуться, а остальных просто сожрать.

А единственные, кто способен эффективно с ними бороться, — такие как Джон. Охотники.

Глава 2: Конец весны

Тени не переносят солнечного света, да и вообще любого очень яркого, а посему днем, если стараться не гулять по темным подвалам и катакомбам, простым гражданам опасаться

нечего. По этой же причине Охотники работают лишь ночью, а днем отсыпаются. Но не Джон.

Джон не спит. Вообще. Он просто не способен спать. Даже если он закинется десятками таблеток снотворного, то в лучшем случае его ждет очень неприятное свидание с унитазом. Поэтому он все светлое время суток пытается убить время, как только может.

Вчера в переулке он запачкал свой плащ, а значит, теперь у него есть существенный повод выйти на улицу. В химчистку.

Ближайшая химчистка находилась за несколько кварталов от места жительства Джона, как раз в направлении «Лету». Большинство жителей мегалополисов не любят ходить пешком, предпочитая передвигаться на такси для экономии времени, которого, с введением комендантского часа, стало еще меньше. Заботящиеся об экологии предпочитают велосипед, самокат, гироскутер или моноколесо. Джон же этого времени имел с избытком и предпочитал любым колесам старые добрые ноги.

В химчистке его прекрасно знали и не очень любили. Обычно угрюмый человек в неприметной одежде, который как минимум два раза в неделю приносит на стирку абсолютно черную одежду странного покроя, с клепками и ремешками неизвестного предназначения. А плащ зачастую испачкан уличной грязью и даже следами крови. Управляющий химчистки как-то раз даже навел на Джона полицию, которая, естественно, узнав, чем он занимается, оставила его в покое. Когда же он очередной раз пришел в химчистку, чтобы забрать свою одежду, управляющий так перепугался (плащ он не почистил, так как полицейские могли использовать его в качестве вещдока), что клятвенно заверил никогда больше не брать с него плату за чистку. Предложил даже вернуть ему все деньги, что Джон потратил здесь ранее, но тот отказался. Управляющий до сих пор не знает, что стало с теми двумя полицейскими, которых он направил к предполагаемому маньяку-убийце.

Подходя к химчистке, будучи как обычно одним из первых клиентов после утреннего открытия, Джон заметил странную активность чужь впереди по улице. Там толпился народ, стояло две полицейские машины и одна скорой помощи, а вокруг всего этого грифами кружили журналисты. Уже выходя обратно, он направился поглядеть, что стряслось.

— *Опять, наверное, Тени задрали какого-нибудь парня, по глупости вышедшего в комендантский час,* — выразил мысли вслух Мефисто.

— Скорее всего, — неосознанно согласился Джон и направился к толпе.

Тело уже покоилось на носилках, накрытое белым покрывалом, из-под которого в области лица проступали кровавые пятна. «Нет, это не Тени, — подумал Джон. — Тени работают не так аккуратно, они обычно раздирают жертву в клочья».

Тело было большим, из-за чего его ноги практически свисали с носилок. На нем оказались черные плотные штаны и черные же крепкие ботинки. Такие носят Охотники. У Джона по затылку пробежал холодок. Не может быть!

Когда тело уже несли к машине, у одного из несущих, которые аж все напряглись от потуги, чуть не выскользнула рукоять носилок, которые опасно накренились, и по толпе пробежалась волна вздохов и ахов, однако носильщик все же удержал вес, но из-под покрывала вдруг выскользнула волосатая рука, безвольно повиснув в воздухе.

На ней была черная перчатка с железными вставками из больших острых шипов, приходящихся на каждую костяшку пальцев.

Точно такие же носит Майлз «Тор» Торсон.

Джону, даже если бы он попытался и начал упрашивать, никто бы не позволил

осмотреть тело, а потому он просто развернулся и быстрым шагом направился домой. В это время Бобби уже спал без задних ног, но если кто-то и мог что-то знать о произошедшем, то только он.

Джон не считал Майлза лучшим другом, но все же хорошо к нему относился, в основном из-за того, что в детстве постоянно его задирали, отчего уже позже начал чувствовать за собой вину. Великая Катастрофа изменила его, как и всех в мире. Как и весь мир. Несмотря на то, что Джон вел себя с Майлзом несколько отстраненно, тот ни разу не выказывал свое презрение и вообще вел себя с Джоном так, словно они сто лет как лучшие друзья.

А еще их сближала общая трагедия. Они оба слишком рано лишились родителей. Хотя лишиться родителей в любом возрасте слишком рано.

Забежав в квартиру, Джон тут же набрал Бобби. Вопреки ожиданиям, трубку сняли почти сразу же.

— Джон, я звонил тебе, — послышался голос в трубке.

— Это был Майлз? Что произошло?

— Приходи в бар. Сейчас. Бобби повесил трубку.

Джон ничего не понимал. Зато теперь он точно был уверен, что было под покрывалом.

— *Не стоило тешить себя пустыми надеждами.*

— Заткнись.

Джон по привычке хотел было переодеться в «рабочую одежду», но вспомнил, что сейчас день, а значит, никакой работы. Но нож он все же с собой прихватил. Носить такое оружие он имел право лишь в комендантский час, но сейчас не до соблюдения дурацких законов.

Бар оказался открыт. Для дневного времени суток это нонсенс, достойный первой полосы всех местных газет. Джон никогда не бывал здесь днем, хотя очень бы хотел. Теперь кабак открыт, вот только повод не из приятных.

— Что случилось? — выпалил он прямо с порога, и только потом заметил, что бар переполнен. С виду все были самыми обычными гражданами, исправно платящими налоги, ждущими рождественских распродаж и долгожданного отпуска. Но это только на первый взгляд; если присмотреться, у каждого обнаружится хотя бы одна деталь, выделяющая его из толпы.

— Ты последний, кого мы ждали, — подал голос Бобби. Он стоял перед своей барной стойкой, обращенный лицом к толпе, словно это не стойка, а широкая кафедра. Только сейчас Джон заметил, что все столы и стулья отодвинуты к стенам, чтобы выиграть место.

— Я должен донести до вас некоторые сведения, поступившие сверху, — начал Бобби. — Но сначала должен сообщить печальную новость, которую некоторые из вас уже слышали: Майлз Торсон, по прозвищу Тор — мертв.

По толпе пробежался гомон. Все из здешних знали Майлза, он победил в армрестлинге каждого, с кем садился за стол. Трудно поверить, что кто-то смог его убить, а в том, что его убили, не было никаких сомнений, Охотники по другому не умирают, что и подтвердил Бобби.

— Это были Тени? — спросил кто-то.

— А это уже относится к тем сведениям, которые меня обязали до вас донести. — Он сделал паузу. — Примерно месяц назад в Бронксе при странных обстоятельствах убили

Охотника, две недели назад то же произошло в Куинсе, а теперь и здесь. Как известно, два — это совпадение, но три — закономерность.

— Я ничего об этом не слышал, — слышался голос из толпы. Его поддержали и остальные, в том числе и Джон.

— Охотники часто гибнут на темных улицах, а потому на эти две странные смерти не особо обратили внимание, но сегодня мне позвонили сверху и сообщили о Торе. Общим мнением они пришли к тому, что это направленная акция, и попросили меня тотчас разбудить вас и передать, чтобы этой ночью вы были особенно осторожны.

По толпе снова пробежался ропот. Все Охотники и так ночью предельно осторожны, от этого зависят их жизни. Хотя многие и правда ведут себя так, словно вышли на вечернюю прогулку, особенно это относится к молодежи. Джон тоже был относительно молод, но возраст не всегда определяется цифрами в паспорте.

Из толпы снова слышался вопрос:

— А что значит — странные? Ты сказал, что смерти были странными.

— Верно, — подтвердил Бобби. — Их странность заключается в том, что всех жертв убили теми же способами, которыми они пользовались для уничтожения Теней.

На этот раз гомон превысил все возможные пределы. Чтобы Тора убили в драке на кулаках? Да не может такого быть! Не будь он столь самоуверен и не презирай более эффективное оружие в борьбе с Тенями, его можно было бы считать сильнейшим Охотником в Бруклине, а то и во всем Нью-Йорке. Он был машиной для убийства, если его вывести из себя, что случалось крайне редко.

— Сколько было нападающих? — спросил Джон, перебивая споры остальных. Это вопрос интересовал его с того момента, когда он понял, что под покрывалом на носилках именно Майлз.

— Неизвестно, — ответил Бобби, подождав, пока шум прекратится. — Но... судя по обнаруженным следам, — один.

На этот раз толпа не ревела. В баре на секунду настала гробовая тишина, какую можно было услышать лишь днем, когда он закрыт.

— Один? — шепотом переспросил кто-то, не веря своим ушам.

— Один на один в кулачном бою против громилы Майлза?

— Это лишь предварительные данные, — попытался успокоить людей Бобби, но это не возымело особого эффекта. — Как я сказал, предыдущие два убийства толком не расследованы...

— Херня! — выкрикнул один из Охотников. По голосу Джон узнал Райно, он, как и Майлз, был здоровяком, и некоторые считали его вторым по физической силе. Он тоже гордился своей мощью, но отличался буйным нравом и считался не особо сообразительным, однако никто не осмеливался говорить ему это в лицо. Кроме Тора.

— Ты хочешь высказаться?

— Хочу! Тор был сильнее меня, а я знаю свою силу. Если бы на меня напала толпа Теней или хоть Охотников, парочку, но я бы точно отправил на тот свет. А вы говорите, что Тора завалила какая-то гопота, и он не смог вломить хотя бы одному так, чтобы у того башка с плеч слетела? Херня! — снова рявкнул он, вдарив в воздух здоровенным кулаком, едва не задев стоящего впереди.

Все громко поддержали Райно, в том числе и Джон. Он был на месте, где убили Майлза, но увидел лишь кровь Тора, если бы там по-настоящему случилась большая потасовка, все в

радиусе не менее десяти метров оказалось бы залито кровью. Хотя на перчатках Майлза с железными шипами кровь все же присутствовала, и явно не их владельца. Джон сказал об этом.

— Все улики будут проверены, — заверил его и всех остальных Бобби. — Мы сделаем все, чтобы найти убийц. Или убийцу, — добавил он уже тише.

Еще Джон услышал в словах Райно то, на что многие не обратили внимания или не хотели обращать. Может, здоровяк и глуповат, но даже у самого тупого раз в жизни может возникнуть дельная мысль, пусть сам он ее и не поймет. Райно упомянул Охотников.

«Это просто чушь!» — фыркнул он про себя. Чтобы один Охотник убил другого — немыслимо. Для этого нужен очень веский повод, и даже при этом такое нельзя простить. А еще Майлза убили грубой силой, просто избили до смерти. Джон было даже подумал на Райно, второго по силе, но тут же себя одернул, вспомнив, что подобные случаи произошли и в других боро Нью-Йорка. Да и не выглядел он потрепано, каким должен был быть после потасовки.

Джона из задумчивости вывел голос Бобби:

— Я сказал вам все, что хотел. Теперь идите домой и поспите, этой ночью вам нужно быть во всеоружии. Да, и передайте услышанное сегодня всем остальным, кто не пришел.

Гуляющие сегодня утром по улице увидели странную картину. Из небольшого ночного бара начала вываливаться разномастная толпа очень подозрительного вида. Их было больше, чем мог комфортно вместить кабак, и все они казались встревоженными, о чем-то громко перешептываясь. А еще все они выглядели довольно сонно и щурились на свет, словно их глаза не могли к нему никак привыкнуть.

В баре осталось трое: Бобби, Джон и Машери.

— А вы чего стоите?

— Я хотел кое о чем потолковать, — сказал Джон.

— Я тоже, — подала голос Машери.

— Ты-то ладно, Джон, Майлз был твоим другом, а ты чего? — обратился он к девушке.

— Я... Мы...

— Ну не мямли, — поморщился бармен, тряхнув от нетерпения головой.

— Мы с Майлзом были любовниками, — выпалила Машери и тут же покраснела.

Для Джона это стало новостью, ведь Тор женат, а с Машери мало кто желал иметь дела, тем более в подобном плане. Но Бобби, похоже, обо всем знал. Или хотя бы догадывался.

— Я думал, у вас это несерьезно, — сказал он.

— Несерьезно. Он же женат и любит... любил свою жену. Но все равно. Я хочу знать, кто это сделал. Бобби тяжело вздохнул.

— Мы все хотим, но я сказал все, что знал сам.

— Джон остался, вот я и подумала, что у него что-то есть.

Джон, конечно, ничего не знал, лишь желал поделиться с Бобби своими мыслями и узнать его мнение, но только с глазу на глаз. Все это он высказал вслух.

— Позвольте мне остаться, — взмолилась она чуть не плача. — Возможно, от меня мало толку, но я тоже хочу отомстить за смерть Майлза.

Джон не стал ей говорить, что не имеет подобных мыслей. По крайней мере, на поверхности души. Да, он желает найти виновного, но не так рьяно, как можно было подумать. Этим занимаются другие люди.

— Я не против, чтобы ты осталась, — немного подумав, сказал Бобби. Джон не мог с ним спорить.

— Ничего такого у меня нет, — начал он, когда они присели за один из отодвинутых к стене столов. — Просто я подумал, что Тени на такое неспособны. Конечно, некоторые Тени живут в телах людей годами, становясь сильнее, но обычно они предпочитают отсиживаться в укромных местах, а не бегать по улицам в поисках жертв. А даже если и выходят охотиться, то не перед рассветом.

Тени выходят охотиться на Охотников. Какая ирония. Тот, кто придумал называть таких людей, как Джон, Охотниками, явно имел чувство юмора. Или вообще не имел какой-либо задней мысли.

— Да, я тоже так подумал. — Бобби помолчал, словно решаясь. — То, что я вам скажу, остальным лучше не знать, ни и так подавлены. В общем, обе предыдущие жертвы тоже были убиты почти перед рассветом, и их обнаружили простые горожане.

— Хочешь сказать...

— Да. Это было послание.

— И что этим хотели сказать? — поинтересовалась Машери.

— Этого я не знаю, — покачал бармен головой, — но убийца определенно хотел, чтобы тела нашли не мы, Охотники, а простые люди.

Обычные граждане, конечно же, знать не знают о существовании как Охотников, так и Теней, все это держится в строжайшей тайне. Даже смерти простых горожан, которым не повезло оказаться на улице после наступления комендантского часа, тут же засекречиваются, и их родственникам и друзьям приходится писать заявление о пропаже человека. Конечно же, этого человека обычно никто не находит, ни живым, ни мертвым.

Если общественность узнает о происходящем в ночной тьме, вопреки логике, жертв станет только больше, а люди начнут бояться выходить на улицу даже днем, а ночью будут спать при свете всех ламп в доме, а на случай отключения электроэнергии позажигают миллион свечи, что приведет к пожарам. Истерия охватит весь мир быстрее, чем тлеет фитиль, и последствия окажутся катастрофическими. Джон, однако, не совсем был с этим согласен.

— Вокруг места убийства Майлза собралась целая толпа зевак, — подтвердил Джон слова Бобби.

— Вот-вот. Кто-то специально выставляет все это напоказ, но вот зачем?

— Хочет рассекретить Охотников? — предположила девушка.

— Это не имеет смысла. Мы считаемся городской легендой. И даже если кто-то во всеуслышание заявит о нашем существовании, правительство все будет отрицать, а мы на некоторое время заляжем на дно. В толпе нас невозможно вычислить.

Помолчали. Бобби выглядел изнеможенным, даже для того, кто сейчас должен спать, а не разглагольствовать, Машери дергала себя за край теплой кофты, уперев взгляд в пол и не зная, что еще сказать. Зато Джон знал:

— Не обязательно раскрывать Охотников.

— В смысле?

— Охотники с виду ничем не отличаются от обычных людей, даже если показать на одного пальцем, никто не воспримет это всерьез и ничего не сможет доказать, а того, кто показал, сочтут психом. Но вот если показать что-то более необычное.

— Теней, — прошептал Бобби, кивая головой. — Но что даст убийство одного

Охотника?

— Смятение, — пожал плечами Джон.

Все снова помолчали.

— Ладно, — ударил себя по коленям Бобби, вставая со стула, — сейчас мне следует последовать собственному совету и отправиться спать. Тебе тоже, Машери. Вечер утра мудренее.

— А, и еще, — обернулся Джон в дверях, — Бобби, ты не мог бы узнать, кого именно убили и настолько сильными они были?

Бармен задумался, а потом безмолвно кивнул.

Глава 3: Старые и новые раны

Джон отправился к точильщику подправить меч. Как оказалось, там уже выстроилась целая очередь, и ему пришлось оставить оружие у мастера, чтобы забрать его уже вечером, а может, и вовсе на следующий день. Благо, мечей у него имелось предостаточно.

Весь оставшийся день Джон провел за тренировками и поисками в интернете любой информации о случившихся убийствах. Данных было мало, так как организация ничего не предпринимала вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что убийства взаимосвязаны, и всю имевшуюся информацию уже передали Бобби.

Организация «Тенелов» строго засекречена и является самостоятельной, ни от кого не зависящей. Ни ФБР, ни ЦРУ, ни АНБ, ни Интерпол, ни другие спецслужбы в мире не обладают властью над «Тенеловом». А о том, чем вообще занимается эта организация, знают единицы. Агенты и сотрудники различных служб имеют лишь малую толику информации, в основном в виде приказов: не трогать «Тенелов», не копать под «Тенелов» и сматывать удочки, если организация так приказала. Каждый член различных спецслужб предполагает, что организация является подразделением другой спецслужбы, и никто не стремится их переубедить.

Джон добрел до дома, где жил его приятель с молодой женой, постоял на другой стороне улицы, всматриваясь в окно на пятом этаже и пытаясь понять, что там сейчас происходит. Плачет ли жена Майлза или просто сидит в прострации? Догадывается ли она, что ее муж умер из-за своей работы? Наверняка.

Охотники предпочитают выбирать себе пару, если вообще выбирают, среди других посвященных, в основном из-за образа жизни: мало кто захочет жить с человеком, который днем спит, а ночью пропадает не пойми где и отказывается об этом говорить, ссылаясь на секретность. А еще обычного человека, если он будет не осторожен, может захватить Тень, и Охотнику не останется ничего, кроме как убить свою любовь. Наверно, из-за всего этого Майлз и нашел себе любовницу среди «своих».

Джон так и не решился подняться в квартиру. Возможно, жена Тора хочет побыть в одиночестве, а если и нет, то она уж точно найдет кого-нибудь другого для утешения, того, кого знает лично. Джон никогда с ней не виделся, а потому мог лишь представиться другом с работы ее мужа, но для нее он все равно останется чужаком.

Постояв так минут пять, Джон все же ушел, тем более что начинался дождь. Он падал мелкими каплями и неприятно бил по голове, стекая за шиворот и по гладко выбритому

лицу. Джон редко отращивал бороду, в основном потому, что бритье убивало время. Он пошел в место, куда не навещался уже больше двух недель. Там он бывал лишь когда время превращалось в тягучую смолу.

«Венерина мухоловка» — один из лучших публичных домов в городе. Красиво украшенное трехэтажное здание с неоновыми вывесками, но не режущими глаза, в основном потому, что ночью лупанарий, как и другие заведения, не считая баров Охотников, попросту не работал. Публичные дома в Нью-Йорке стали открыто разрешены не задолго до Великой Мировой Катастрофы, и всякие религиозные фанатики тут же за это ухватились, пытаясь сопоставить эти два события, но на них мало кто обращал внимание, и те, по большей части, в конечном итоге успокоились.

— Вам как обычно? — спросила красивая улыбчивая молодая девушка, имеющая модную должность менеджера, узнав Джона.

Джон молча кивнул в ответ. Девушка, сидя за стойкой, постучала по клавиатуре, проверяя одни данные и вбивая другие, потом протянула пластмассовый кружок с номером двадцать три.

— Девушка свободна и ждет вас, — сказала она. — Приятного времяпрепровождения.

Джон снова молча кивнул.

Он поднялся на лифте на второй этаж (некоторые клиенты заведения настолько грузны, что подъем по лестнице даже на второй этаж отнимает все их силы), нашел номер двадцать три и постучал.

— Открыто, — послышался из-за двери мелодичный голос. Джон вошел, как входил до этого сотни раз.

На краю большой просторной кровати сидела она. Легкое короткое летнее платье розового цвета подчеркивало фигуру, еще более розовые чулки с бантиком облегали гладкие ноги. Длинные светлые волосы ниспадали на плечи, создавая образ настоящего ангела. Блондинка в розовом — что может быть пошлее? Но ей этот образ шел как никому другому. Джон, привыкший к постоянной тьме, любил этот образ, и она это знала.

Когда девушка-менеджер вбивала информацию, она, конечно, вбила и известные данные о клиенте, тут же передав их выбранной девушке. Но за такое короткое время невозможно подготовиться и переодеться. Значит, она его ждала. Джон не знал как, но она всегда угадывала заранее, что он придет.

— Хелин, — сказал он, когда, наконец, смог заговорить.

— Тебя долго не было, — пропела она в ответ и встала с кровати, подходя к нему.

— Я был... занят.

— Нет, не был.

Она подошла к нему вплотную и, немного подразнив, впиалась ему в губы. Сладкий нектар жаром растекся по его телу. Продолжая целовать, Хелин потянула его за собой, пока не уткнулась ногами в кровать и не упала, увлекая за собой и Джона. Она подняла левую ногу и обхватила его поясницу, прижимая к себе, а он гладил ее по бедру грубыми пальцами, проникая все дальше под платице.

Неожиданно она сильно оттолкнула его и перевалила на спину, оказавшись сверху. Потом встала с кровати и плавными движениями стянула с плеч бретельки платья, которое тут же соскользнуло на пол по гладкой шелковой коже, оставив ее лишь в кружевных трусиках и розовых чулках. Джон сел и стянул с себя свитер с футболкой, оголив рельефный торс, на котором красовалось множество заживших шрамов, напоминающих о старых

ошибках безрассудной молодости (он не сильно изменился с тех пор). Она знала каждый его рубец и историю о нем.

Хелин подошла к нему, словно заскользив по водной глади, и положила свои ладони на его грудь, слегка согнув пальцы, чтобы острые ногти заскребли по торсу, выискивая каждую неровность. Добравшись до самого низа, она умелыми движениями расстегнула ему джинсы, и рука заскользила дальше, туда, откуда исходил неистовый жар, способный плавить сталь.

Джон прижал девушку к себе, откинулся на кровать и перекатился, оказавшись сверху. Сначала он поцеловал ее в губы, потом в шею, поласкал подтянутые груди с розовыми сосками, словно созданные под цвет ее одежды. Он начал спускаться все ниже и ниже, пока не добрался до цели.

Сидя на коленях, он снял с себя оставшуюся одежду, и только после этого начал подниматься обратно вверх по изведанной тропе, пока не оказался с девушкой лицом к лицу.

Джон вошел, как входил до этого сотни раз.

Они лежали в измятой постели, думая ни о чем и одновременно обо всем. Хелин заговорила первой:

— Я слышала, что случилось с твоим другом.

— Не таким уж и другом он мне был, — тут же отозвался Джон.

Они молчали еще минут пять, и на этот раз молчание прервал Джон:

— Ты не передумала? — спросил он.

— Каждый раз, приходя ко мне, ты задаешь один и тот же вопрос, а я всегда даю один и тот же ответ.

— Я не оставляю надежд услышать другой ответ.

— Для этого тебе нужно задать другой вопрос.

Где-то на улице кто-то громко засмеялся, словно услышал самую смешную шутку, которую только мог услышать. Это ребяшня, подумал Джон. Когда он сам был еще подростком и, несмотря на заверения друзьям, девственником, они с приятелями стояли на другом конце улицы и смотрели на недавно появившийся в районе публичный дом, пытаясь угадать, что творится за его стенами.

Иногда они на спор заставляли кого-нибудь из приятелей зайти в двери и под общий хохот заказать себе проститутку. До конца дошел только один, самый старший из них, давно копивший на это деньги, который вышел через двадцать минут с довольной миной и начал хвастаться, что только что переспал сразу с двумя. Еще тогда Джон засомневался в правдивости слов друга, потому что рассказ его приключений ну никак не мог уместиться в рамки двадцати минут, даже если бы он приступил к делу прямо с порога. Тогда Джон промолчал, посчитав, что его приятель просто слегка преувеличивает, но когда сам впервые оказался в заведении (не с подначки друзей), то узнал у Хелин, после их первой подобной встречи, что у его друга и вовсе ничего не было. Тот от вида сисек кончил прямо в штаны, а оставшееся время девушки вытирали ему слезы позора, и даже пообещали, что в следующий раз обслужат бесплатно, но тот так и не вернулся.

— Ты могла спасти его, — сказал Джон, стараясь, чтобы его слова не звучали упреком и обвинением. — Ты могла почувствовать, что ему грозит опасность.

— Не надо винить меня. — В словах Хелин проскользнула резкость.

— Я просто сказал...

— И почему я до сих пор с тобой трахаюсь? — Вопрос прозвучал в пустоту.

— Потому что я тебе плачу. — Теперь Джон не сдержал раздражение.

«Ссоримся, как старая пара», — подумал он. И так почти каждый раз, когда они встречаются. Джон пытается убедить Хелин стать одной из Охотников и бороться с Тенями, спасая людей, и оставить работу, если это можно так назвать, проститутки, а она говорит, что ей и здесь неплохо. Она вольна выбирать себе клиентов, а с ее способностью чують опасности ей не грозят ни насилие, ни ЗППП.

— Кстати о плате, — сказала она. — Твои два часа уже истекают. Темнеет, тебе пора идти в дозор. И сегодня особо не лезь на рожон.

Джон поднялся и отправился в душ, почему-то надеясь, что она пойдет за ним, но этого не произошло. Вернувшись в комнату, собрал с пола раскиданную одежду и оделся. Открыв дверь, он оглянулся, как оглядывался сотни раз.

Она лежала абсолютно обнаженной на огромной кровати и бесстрастно смотрела в его глаза, как он смотрел в ее. Когда он закроет дверь, она тоже сходит в душ, переоденется в очередной соблазнительный наряд и будет ждать нового клиента, хотя уже в другой комнате, пока в этой будут менять постель. Другой мужчина будет ласкать ее чужими руками, целовать чужими губами и наполнять чужой любовью, до которой ей не будет никакого дела.

Джон ненавидел уходить от нее с этим осознанием неизбежного, и именно поэтому он виделся с ней реже, чем хотел. Видя ее в первый раз после долгого расставания, Джон ощущал радость и вдохновение, даже счастье, но уходя и бросая последний взгляд, его чувства менялись на противоположные, заставляющие сердце сжиматься.

Он бы что угодно отдал, чтобы узнать ее истинные чувства, если они у нее есть по отношению к нему, что маловероятно.

Когда дверь захлопнулась, она была рада, ведь теперь никто не увидит ее слез.

До самого вечера она надеялась, что он услышал ее предостережение и действительно не станет лезть на рожон, а иначе вновь она увидит его нескоро.

Ночь казалась невероятно темной, словно кто-то пролил на город чернильницу, полную ненаписанных слов. В баре «Лету» случился очередной нонсенс: с момента открытия в него так никто и не зашел. Бобби расставил отодвинутые утром к стенам столы и стулья, протер еще раз все бокалы и стойку, подмел пол, проверил запасы алкоголя и закуски в подвале. Теперь он сидел за одним из столов и почитывал газету. Он не был расстроен отсутствием посетителей, он понимал, что так и должно быть, ведь сегодняшняя ночь должна пылать праведной мстью, очищая улицы от скверны.

Как же он хотел подкинуть в костер головешек, но не осмеливался, ибо монстр в нем мог выйти из-под контроля, и тогда мести будет заслуживать он.

Джон снова бежал по узким улочкам, на этот раз он заприметил Тень в первородном ее виде. Ее нужно убить в первую очередь, пока она не нашла себе носителя. Он бежал, то и дело теряя врага из вида, но глаза, способные видеть в темноте, были не хуже, чем у любой из Теней, — одно из немногих преимуществ Охотника.

Завернув за очередной крутой угол, он вновь потерял ее из виду. Все мышцы Джона напряглись, готовые в любой момент обрушить только что заточенный меч, хотя для убийства пустой Тени особых усилий, кроме скорости реакции, не требуется.

Пройдя чуть вперед, Джон уловил боковым зрением легкое движение в груди мусора,

словно тьма сгустилась и ожила. Он сделал вид, что не заметил, продолжая идти вперед и держа меч перед собой. Легкий шорох за спиной и вот он уже разворачивается, чтобы нанести скользящий удар и превратить противника в ничто. Обернувшись, он увидел ее, стоящую — парящую — в двух метрах от него.

Тень представляет собой бесформенный комок колыхающейся тьмы, но приглядевшись, можно разглядеть конечности, словно приземистое нечто, помесь когтистой обезьяны и лягушки, напаялило на себя черный изодранный мусорный пакет, шевелящийся от каждого дуновения ветра. Вот только ветра не было.

Джон взял меч наизготовку, готовясь к атаке. Он уже подался вперед, перемещая вес на переднюю ногу, как вдруг его сзади что-то ударило, а затем пришла острая боль, словно со спины начали сдирать кожу. Забыв об осторожности, он развернулся, пытаясь достать мечом до противника, но ничего не увидел, кроме такого же темного проулка, однако боль не прошла, а наоборот, стала сильнее. И тут до него дошло, что противник не просто сзади, а вцепился в него своими когтями.

Резким движением меча Джон ударил себе за спину и почувствовал, как меч проникает в нечто, напоминающее желе, а затем до него донесся мерзкий писк, словно скрипят ржавые петли. В следующую секунду он почувствовал небольшое ослабление, но не успел повернуться, как очередной удар сбил его с ног. Неловко взмахнув мечом вокруг себя, он встал, готовый отразить очередное нападение, прислонился спиной к кирпичной стене, но тут же осознал, что это плохая идея: спину саднило невыносимо.

Их оказалось не меньше десятка, и это только те, что не слились с тьмой. Они стояли с двух сторон, прижавшись к земле, как хищники перед нападением, перекрывая пути отхода своими колыхающимися без ветра телами, и даже сверху, передвигаясь по отвесной стене, наплевав на гравитацию. С таким количеством один на один Джон никогда не сталкивался. У него был с собой пистолет, но даже если каждая пуля достигнет цели, маловероятно, что Теней не станет еще больше.

— *У тебя нет выхода,* — сказал Мефисто.

— Заткнись.

— *А я что? Я правду говорю, даже Богу смерти не справиться со всеми.*

— Мне не нужны твои советы.

— *Пока жив ты, жив и я,* — развел призрачными руками Мефисто, — *поэтому мы оба рискуем существованием.*

— Здесь существую только я, — рявкнул Джон.

— *Это уже вопрос философии. Хелин тебя предупреждала, а ты не послушал, поэтому и попал в эту ситуацию. Благо, из нее есть выход, лишь один, а начинается он с проглатывания собственной гордости.*

Джон ненавидел, когда Мефисто оказывался прав, а это бывало слишком часто.

Тени, словно дождавшись окончания диалога (для стороннего наблюдателя — монолога), начали движение. Они ползли медленно, ожидая ошибки жертвы, неминуемо приближаясь и подтверждая слова Мефисто — есть только один выход.

Джон сунул руку за пазуху и достал продолговатый предмет — светошумовая граната. Охотники редко берут с собой подобное оружие, потому что оно намного громче даже пистолета и привлекает к себе очень много ненужного внимания.

— Ох, и достанется мне потом от Бобби, — сказал сам себе Джон, вздохнув, и, вырвав чеку, бросил гранату к дальней стене, так, чтобы взрыв произошел прямо между двумя

группами Теней.

Несмотря на сильно зажмуренные глаза и заткнутые пальцами уши, Джона оглушило и ослепило. Он тут же вскочил и на ощупь побежал влево, туда, где секунду назад находились Тени, и где, как он помнил, должен находиться поворот за дом и выход на хорошо освещенную улицу. Но едва он успел забежать за угол, как его снова сбили с ног ударом в голову. Мир завертелся и ударился об мокрый асфальт. Если бы Джон мог, он бы вырубился, но вместо этого ему приходилось ощущать всю боль до самой капли. Его вырвало.

Было темно и воняло чем-то неприятным вперемешку с терпким запахом алкоголя, впитавшимся в стены. Теперь Джон лежал не на асфальте или смертном одре, а на самой обычной скрипучей кровати, причем на животе.

— Как самочувствие? — слышался знакомый голос справа.

Джону пришлось повернуть голову в другую сторону, чтобы встретиться с собеседником глазами, и сделал он это не без труда: несмотря на тонну обезболивающих, голова раскалывалась и гудела, как чугунная бочка, выпитая днем ранее, хотя Джон отчетливо помнил, что ничего такого не делал, однако память легко могла его подводить. Спина также болела жгучим жаром и пульсировала в такт биения сердца, а уши заполнял далекий свист, который, наряду с головокружением, создавал эффект падения в бесконечную бездну.

— Живой, — ответил он хрипло.

— Знаменитого Синигами, Бога смерти, убившего известного Бостонского рубаку, вырубил какой-то доходяга с битой. Я даже не могу сказать, что в мое время Охотники были другими, потому что это и есть мое время. Наше время.

— Там были десятки Теней.

Оправдание так себе, но Джон знал, что его ожидает, когда вынимал чеку.

— Уверен, что так оно и было, только тебя чуть не вырубили не Тени, а другой Охотник.

— Знаю-знаю.

— Ты своей выходкой такой переполох устроил, что к тебе полгорода Охотников сбежалось, вот первый и огрел тебя дубиной по башке, приняв за Тень. Наверно, Охотникам стоит носить что-нибудь посветлей. Тебе еще повезло, что ни один вбитый в битую гвоздь не пробил тебе голову. — Бобби постучал себя пальцем по черепушке, демонстрируя, как бы это выглядело.

Джон попытался приподняться на руках, но Бобби тут же его приосадил:

— Не вставай! У тебя вся спина изодрана, пришлось даже несколько швов наложить... несколько десятков. Но ты это и так все ощутил, как говорится, на собственной шкуре. Не впервой.

— Что-то я сплеховал.

— Думаешь? Ну, ты не один такой.

Позади бара у Бобби находилась небольшая пристройка, в которой на всякий случай стояло десяток коек, а также имелось немного медицинского оборудования и всевозможных лекарств. Многие пострадавшие в ночных рейдах оказывались у него, так как в больнице возникли бы неприятные вопросы: почему был на улице в комендантский час? кто напал? и что это за оружие? Организация, конечно, решила бы в конечном итоге все вопросы, но очень бы осталась недовольна.

Джон и раньше здесь бывал, но никогда не видел, чтобы все кровати были заняты, и кое-то даже лежал на полу. Еще как только он увидел стаю Теней, у него промелькнула мысль,

которую теперь оформил Бобби:

— Это была подстава, — сказал он. — Кто-то специально захотел устроить мясорубку, выманив на улицы как можно больше Охотников, чтобы потом натравить на них целую орду Теней. Кто-то хорошо это все спланировал.

— А как же в остальных боро: Бронкс и Куинс?

— У них ничего подобного не было. В Бруклине больше всего людей, а значит, и Охотников, поэтому, полагаю, резню решили устроить именно здесь. Честно говоря, в Бронксе и Куинсе мало того что ничего подобного не произошло, так там Тени на следующие пару ночей вообще затаились, вот и тут сверху считали, что будет так же.

— Но просчитались.

Бобби мрачно кивнул. Каждый из Охотников был ему за место сына, которого он потерял в Великой Катастрофе, а потому каждую чужую рану и смерть он воспринимал как свою собственную. Об этом знали немногие.

— Сколько? — спросил Джон после минутного молчания.

— Ночь еще не кончилась, — ответил Бобби. — Раненых не менее тридцати, серьезные только здесь, так что человек пятнадцать, я не считал. Убитых десятков, может, больше, утром будет точная цифра. Какой же я дурак. — Бобби схватил себя за волосы руками, чьи ладони от старых порезов походили на древесную кору.

— Ты не виноват. Сегодня Джону не давались слова.

— Всегда кто-то виноват. Сегодня этот кто-то — я. Надо было разбить вас на группы хотя бы человека по три, но мой разум затуманил гнев, и остальным пришлось за это поплатиться.

Джон хотел что-то ответить, но понял, что лучше от его слов никому не станет, особенно учитывая, что сегодня он не склонен на красноречивые фразы. Еще он хотел спросить о мече, оставленном в переулке, но это казалось более чем неуместно в данный момент.

Бобби встал со стула и молча обошел остальных пациентов, все они спали под действием обезболивающих, и Джону очень хотелось оказаться на их месте.

Уходя, бармен обернулся к Джону:

— Я рад, что ты жив.

Джон очень не любил ранений, тем более серьезных, выводящих из игры. Все остальные могли убивать время сном, который, как говорят, ускоряет поправку, но Джон спать не мог. Он не спал даже на хирургическом столе, когда Бобби сдирал с него кожу и вырывал мышцы — по крайней мере, ощущения были именно такими. Да, обезболивающие снимали бóльшую часть боли, но осознание происходящего никуда не девалось, даже под кайфом.

— *Не слабо тебя потрепало,* — заговорил Мефисто, — *я даже испугался, что ты уже труп. Мы — трупы.*

— Заткнись, — сквозь зубы процедил Джон.

— *Тебе же скучно, неужели не хочешь поговорить?*

— Предпочитаю разговаривать с реальными существами.

— *С белочками, мышами и улитками? Давай, не ломайся.*

— Ты когда-нибудь заткнешься?

— *Ну, наверно, с твоей смертью.*

— Не ищущай меня.

Джону пришлось проваляться в койке два дня, прежде чем он все же смог встать,

пересилив боль в спине. Раны у Охотников заживают чуть быстрее, чем у обычных людей, но для того, кто никогда не спит, это словно целая вечность.

Бобби, придя очередной раз на осмотр раненых, предоставил неутешительный итог захлопывания ловушки недавней ночью: четырнадцать убитых, тринадцать серьезно раненых, один из которых и сам Джон. Пара человек вообще лишилась по одной руке, став калеками. Следующие две ночи мало кто рисковал выходить на улицы ночью, а если кто и появлялся, то только в большой компании. Они заявляли, что за все время так и не встретили ни одной Тени.

Джон вышел в зал под вечер, когда солнце еще не зашло за горизонт, но бар уже открылся: многим приходилось добираться издалека, хотя были и другие бары, а рисковать разгуливать ночью пока никто не желал.

За стойкой стоял Бобби, а перед ним сидело двое: Машери и Мультголова, попивающий свой любимый коньяк через трубочку.

— Ты бы еще отдохнул, — мягко сказал Бобби, заметив Джона, выходящего из дверного проема.

— Нет сил там больше лежать. — Джон кивком поприветствовал сидящих за стойкой. — Как дела? — спросил он.

— Хреново, — отозвалась Машери, и по ее голосу Джон понял, что это уже не та девушка, которая плакала по потере Тора. Мультголова кивнул, соглашаясь.

— Вы хотя бы не ранены.

— Зато другие ранены и убиты. Мы, блять, вышли на улицы мстить за нашего, а вместо этого лишились еще больше. Нас развели как лохов каких-то! — Она сильно ударила кулаком по стойке, за что получила неодобрительный взгляд бармена. Мультголова снова закивал, как болванчик, после чего допил через трубочку порцию коньяка и жестом попросил добавки.

Мультголова носил маску улыбающейся мультяшной мыши. Всегда. Никто не знал его имени, как и настоящей внешности. И еще он никогда не разговаривал. Некоторые считали, что он просто немой, а маска вообще приклеена к его лицу, другие уверяли, что из-за приклеенной маски он как раз и не разговаривает — рот, мол, тоже заклеен, не считая небольшого участка в центре губ, через который он ест и пьет посредством трубочки. Есть даже те, кто утверждает, что он вроде как очень известный человек, у которого узнаваемы и лицо, и голос, поэтому он скрывает их за маской и молчанием. Однако спрашивать об этом у него никто не желал рисковать — Мультголова славился взрывным нравом и злопамятностью, он мог ничего не предпринимать месяцами, а потом ударить в спину в самый неожиданный момент. Настоящий маньяк.

— Что говорят наверху? — поинтересовался Джон, принимая от Бобби стакан с виски.

— А что они должны говорить? Говорят быть осторожными и временно особо не рисковать почем зря, поэтому и заданий пока нет. Еще сказали... ну, не сказали, а тонко намекнули, что мы, мол, сами виноваты в случившемся, не надо было нам нестись на улицы с шашками наголо, никому ничего не сказав и не составив план.

Бобби выглядел ужасно. Обычно бодрый человек выше средних лет вдруг сник и сгорбился, будто постарев лет на десять-пятнадцать. Эта трагедия сильно по нему ударила, хоть он и старался этого не выказывать. Он винил себя в произошедшем, потому что не предусмотрел возможности ловушки.

Как бы ни было горько это осознавать, но лидеры «Тенелова» все же по большей части правы насчет шашек наголо, но ведь не только Бобби не подумал о подобном варианте

развития событий, но и все остальные тоже. А среди Охотников находилось немало очень умных людей, которые, правда, были довольно зазнавшимися и не считали себя обязанными кому-либо помогать и давать очевидные советы. Они, вероятно, той ночью вообще не выходили из дома.

Одна только Хелин предупредила Джона, и это заставило его сжать кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Если бы она была тогда среди всех на собрании, то могла бы увидеть, что опасность грозит не только Джону, но и всем. Это могло бы навести на мысли. Но ее не было. Джон ненавидел ее за это, но это никак не могло повлиять на его любовь к ней.

Вдруг он почувствовал острую боль в руке, а когда обратил на это внимание, то увидел кровь и разбитое стекло. Сжав кулаки, он забыл о стакане с виски.

— О, прости Бобби, я все уберу.

— Ничего, оставь, я сам. Надо продезинфицировать тебе рану и перевязать.

— Виски уже все продезинфицировало.

— Но наложить бинты оно тебе точно не поможет.

Они с Бобби вновь вернулись в вонючую пристройку. Сам виноват, подумал Джон. Ни Машери, ни, естественно, Мультголова ничего не сказали. Если бы каждый после чьей-нибудь смерти бил посуду, Бобби давно бы обанкротился.

Джон хотел пойти домой, когда уже давно стемнело, но Бобби не позволил ему выходить на улицу одному, а в баре не осталось никого, кому было по пути, поэтому Джону предложили провести ночь в заведении, как и еще несколькими другим, которые все же решились выйти на улицу и дойти до паба; они, вероятно, ожидали услышать свежие новости, но их надежды не оправдались. На втором этаже бара находилась, можно сказать, квартира Бобби — хорошо иметь работу недалеко от дома, — где он смог разместить троих посетителей. Конечно, ночь для Охотников являлась активным временем, но никто не запрещал немного подремать или просто отдохнуть в мягкой постели. Джон же, не способный и на это, решил остаться внизу, где в тишине можно поразмышлять обо всем случившемся.

— *Не думаю, что сейчас на улице много Теней,* — подал голос Мефисто, как только Бобби с остальными ушли наверх.

— Они хотят, чтобы ты так думал.

— *О, начал предложение не с «заткнись»? Это прогресс.*

— Заткнись.

— *Ну вот.*

До того, как случилась бойня, Джон попросил Бобби узнать, кого именно убили перед Майлзом, и тот узнал. Как оказалось, оба Охотника считались одними из сильнейших — если не самыми сильными — в своих боро. Значит, кто-то намеренно убирает сильнейших, но зачем? Чтобы исключить риск их вмешательства? Возможно. Но зачем тогда устраивать бойню, в которой, как Джон знал, погибли в основном самые слабые, неопытные и неосторожные? Только если кто-то хочет сокрушить волю противника? Убийство друзей, с которыми сражался бок о бок действительно может вывести из колеи, но что с того, за следующие две ночи не зафиксировано ни одного нападения Теней. Это же нелогично.

Зато кое-что было ясно точно: появился кто-то, кто руководит Тенями. Джон боялся, что это кто-то из Высших. Но как это возможно, если за последнее время поблизости не было

зафиксировано ни одного серьезного происшествия, которое могло бы открыть портал в Дыру настолько, чтобы выпустить достаточно сильную Тень?

Десять лет назад Джон, еще не будучи Охотником, столкнулся лицом к лицу с Высшей Тенью. А что, если это она и есть? Конечно, организация заявляла, что ее уничтожили, как только она нашла носителя, но теперь доказать это невозможно. Если это и правда Высшая Тень, городу придется несладко. Высшие Тени намного умнее обычных, а потому даже один способен выкосить целый город, если будет умело руководить своими пешками.

Джон понимал, что его рассуждения не такие уж и оригинальные. В штабе организации сидят куда более умные люди и сами давно пришли к подобным предположениям, а теперь решают, что делать дальше. Джону остается лишь ждать приказов, переданных через Бобби. К иному он и не привык.

К слову, Бобби, пока Джон валялся на кровати со штопаной-перештопаной спиной, сходил к нему домой и доставил новую одежду взамен испорченной (так как он не знал, когда тот будет готов уйти, то захватил как ночную форму, так и повседневную, ничем не примечательную одежду все в тех же темных тонах), а еще сходил к мастеру и отполировал потерянный Синигами меч. Теперь Джон был во всеоружии.

Он быстро переоделся в плащ и черные штаны, стараясь не делать резких движений, нацепил на себя все оружие, что имелось, и вышел на улицу. Бобби не боялся оставлять дверь открытой: обычные воры, которых в эти времена осталось единицы, знают, что к этому месту лучше не приближаться, а Теней отгоняет изображение на двери креста и колоссальное количество амбисидиана.

— *Все же решил последовать моему совету?* — ухмыльнулся Мефисто. — *Я же говорю, Теней сейчас и днем с огнем не сыщешь. О как сказал!*

— Заткнись.

Джон ненавидел, когда Мефисто оказывался прав, и тот это знал.

Глава 4: Человек в ночи

Леброн Бертон когда-то был полицейским, причем хорошим, отмеченным наградой за храбрость, которую ему вручил лично мэр города, но с тех пор прошло больше пяти лет, а полицейским он перестал быть менее года назад. Все берут взятки, но, как оказалось, у Бертон к этому таланта не так много, как он рассчитывал. А ведь чуйка его не подвела, он чувствовал, что это подстава, но в тот момент очень нуждался в деньгах, а потому, проигнорировав орущее на него шестое чувство, впервые за всю службу открыто принял деньги за закрытие мелкого, на его взгляд, дела, на которое жалко было тратить время, когда по городу бродит целая толпа настоящих отпетых негодяев, и это несмотря на комендантский час.

И вот Леброн Бертон, бывший примерный полицейский, превратился в частного детектива, что для сердобольных теток предпенсионного возраста то же самое, что и спасатель кошек с деревьев, а максимум, что он способен расследовать, по их мнению, так это кражу мороженого в супермаркете, а пистолет у него просто для виду, и стреляет он огоньком, чтобы сигареты прикуривать. Иногда Бертону очень хотелось прикурить кому-нибудь из них голову.

Так как денег у него вечно не хватало, он не мог позволить себе снимать помещение под офис, а потому организовал его прямо у себя в двухкомнатной квартире на первом этаже,

благо у него все еще оставались друзья в правоохранительных органах и других структурах, которые помогли ему все это проверить довольно быстро и с минимумом затрат.

В последнее время дела шли более-менее складно, и он даже скопил небольшой капитал, достаточный для поездки куда-нибудь в Европу на пару недель, но тратить деньги на подобное он никогда не мог решиться. Бывало такое, что он за месяц зарабатывал больше, чем в полиции за полгода, даже с учетом премий, а иногда и наоборот, месяца три никому не требовались его услуги, а если и требовались, клиент не мог оплатить даже половину их стоимости. Бертон пробыл в бизнесе всего ничего, но уже начал делить год на прибыльные и убыточные сезоны.

Так как на данный момент средств ему пока хватало, Леброн решил немного попопривередничать, выбирая дела поинтересней, хотя те же самые сердобольные теткли считали, что возможность выяснения супружеской неверности более чем интересное времяпрепровождение для частного детектива. Бертон за время своей деятельности давно пришел к выводу, что если женщина настолько сильно подозревает своего мужчину в измене, что обращается за помощью к детективу, то в девяноста процентах из ста она оказывается права. Конечно, вслух он ничего подобного не произносил, а иначе вместо денег ему пришлось бы довольствоваться словесными благодарностями. Любящая женщина, даже имея на руках неопровержимые доказательства неверности мужа, до последнего не будет желать в это верить. Бывали даже случаи, что жены изменщиков винили во всем самого детектива, однако оплату он брал вперед, а потому его это не особо заботило. Поостынет — сама поймет.

Это утро ничем не отличалось от большинства предыдущих. Бертон еще со времен службы в полиции выработал привычку вставать рано. Будучи обычным следователем, на него тоже распространялся закон о комендантском часе, что особенно чувствовалось зимой, когда день намного короче ночи, из-за чего ему до самого восхода солнца приходилось сидеть дома, придумывая, чем бы еще таким убить время, а возвращаться до его захода. Да, Бертон любил свою работу, а когда его с позором выгнали, он пил целых два дня. Личный рекорд запоя.

После потери должности полицейского, его новая работа позволяла ему иметь свободный график, и утро он тратил на прогулки на свежем воздухе, когда машин почти не было, но даже выходя на улицу в первую же минуту окончания запретного времени, он мог встретить людей, которые явно вышли немного раньше него. Вот и этим утром случилось так же. Покормив своего черного кота, он вышел прогуляться по одной из улочек, намереваясь на обратном пути зайти в магазин, который еще не успел открыться, и тут вдруг заметил впереди трех стоящих человек, склонившихся над чем-то. Подойдя ближе, он увидел то, чего не видел уже года три, — всамделишный человеческий труп.

Это оказался настоящий гигант, какими в кино часто изображают викингов, но только вместо плотной одежды из меха, топора в руках и шлема на голове, на нем были черные одежды, которые Бертон ни разу не видел на людях, гуляющих по городу, а еще перчатки с острыми железными шипами на костяшках, заменяющих кастет, и которыми можно убить, если знать, куда бить. Бертон подумал, что такой громила мог убить, даже не целясь в жизненно важные точки и без перчаток.

А еще лицо трупа было сильно разбито в кровь. Перчатки тоже были запачканы. Частный детектив не мог представить, кто бы мог завалить такого бугая, да еще, судя по

всему, без огнестрельного оружия, так как он не увидел на одежде каких-либо входных отверстий, да и лужи крови под ним не наблюдалось.

Однако удивительней являлся тот факт, что, несмотря на кровавые перчатки с шипами, следов его противника поблизости не было. Кто мог бы уйти на своих двоих, получив пару ударов такими кулачищами? Хотя, возможно, нападавших было много, и оставшиеся на ногах утащили раненых, если не убитых. Но кому вообще в голову могло прийти напасть на человека, чей рост не менее двух метров, а наружность могла отпугнуть даже самых видальных преступников? И когда? Ночью? Что он вообще здесь делал? Что здесь делали нападающие? А может, это он был нападающим? Как много вопросов.

Вдруг Бертон почувствовал, как его кто-то схватил за руку и потянул, он хотел было вывернуться, но тут увидел, что это полицейский, а вокруг уже полно народу, в том числе и подоспевшие, как черти из табакерки, журналисты с камерами (не часто в городе случаются убийства, да еще такие жестокие), которых тоже пытались отеснить от места происшествия. Полицейского Бертон не узнал. Наверно, новенький, подумал он.

Вдруг на него нахлынули чувства. Я не полицейский! Прошло уже больше десяти месяцев, а он все никак не мог свыкнуться с мыслью, что по утрам не нужно никуда бежать, разбирать бумажные завалы и расследовать мелкие дела. Но привычки никуда не делись. Вот и теперь он, стоя перед телом, которое накрывали покрывалом, задается вопросами, которыми задавался бы, будь он стражем порядка, а не гражданским, которому настоятельно рекомендуют отойти от места преступления и не путаться под ногами.

Бертон оглянулся, всматриваясь в лица зевак, собравшихся поглядеть на бесплатное кровавое шоу, как делал это каждый раз, выезжая на подобные вызовы. Говорят, преступник любит возвращаться на место преступления и оценивать реакцию публики. По собственному опыту Леброн знал, что так делают либо маньяки, либо идиоты.

Все лица казались однообразными и серыми, словно вырезанными из одного трафарета, но одно все же выделялось. Этот человек был примерно одного роста с Бертоном и, пожалуй, немного помладше, тоже являлся брюнетом, только волосы темнее и бриты под «ежик». А еще он выглядел намного крепче частного детектива, однако, по его собственному мнению, это компенсировалось отсутствием какого-либо намека на бороду и усы, тогда как сам Бертон предпочитал легкую небритость. Стоял он нахмурившись, словно чем-то недоволен. Этот человек привычен к видам окровавленных тел.

Леброн начал наблюдать за ним. Человек вначале выглядел неоднозначно и едва заметно нервничал, но когда один из несущих тело чуть не уронил носилки, от чего рука трупа выскользнула из-под покрывала, выставляя напоказ его необычную перчатку, он вдруг весь напрягся, словно что-то заметил, затем развернулся и быстрым шагом начал удаляться. Бертон, чуть подождав, чтобы не вызвать подозрений, направился следом.

Он узнал здание, в котором жил этот человек, однако дальше решил пока не рисковать. Вернувшись домой, что находился ближе к месту преступления, забыв по пути забежать в магазин, он первым делом зашел в интернет.

— Где же я об этом читал?

Он вбил в поиск «люди в черном», но немного подумав, изменил ключевые слова на «люди», «ночь» и «черная одежда», а затем дописал еще в строчку «оружие».

Поиск выдал ему миллионы результатов, большая часть которых вела на сайты скачивания и онлайн просмотра различных фильмов, а также игры, комиксы и даже магазин одежды. Но все оказалось не так плохо. Просмотрев несколько десятков бесполезных сайтов,

он наткнулся на старый форум, на который уже почти никто не заходил и где рассказывали про городские легенды. И он начал читать.

«Короче, прикиньте, проснулся сегодня ночью отлить, че-то выглянул в окно с седьмого этажа, а там мужик какой-то идет, а в руке у него настоящий тесак! Я пока за телефоном бегал, его уже и след простыл. Никто ничего не знает?»

«Я тоже видела подобного чувака. Только у него на поясе висел меч, какой там у рыцарей бывает. Только он весь в черном был».

«Я иногда допоздна не сплю и иногда слышу на улице странные звуки, словно кто-то дерется. Но ничего такого не видел. Мама говорит, что это или кошки, хотя я их у нас уже сто лет не видел, как и собак, или хулиганы».

«Зырьте, че нашел. Это откуда-то из Европии, хрен знает». К этой записи прилагалось видео, которое Бертон тут же включил.

Ночь. По улице с каменными домами идет какой-то человек, которого в темноте почти не видно, да и качество съемки оставляло желать лучшего. На нем черный плащ, а лицо закрыто маской. Вот из-за угла дома выходит еще один человек, в руке у него какой-то длинный предмет, который вроде как даже блестит, словно сталь. Он что-то говорит первому и тот тоже что-то вытаскивает из-под одежды обеими руками, после чего они оба бегут в подворотню, где и исчезают. На этом видео обрывается.

Не густо, подумал Бертон. Это могло быть чем угодно, да и время съемок видео неизвестно, может, его вообще сняли до Великой Катастрофы. Хотя, что это меняет? Да и не было у того здоровяка, как он видел, ни ножа, ни меча, ни любого другого холодного оружия. Только перчатки с железными шипами.

Вдруг Леброн в голову пришла неожиданная мысль. Подпольные бои! Точнее, не подпольные, а... ночные. Ночью действует комендантский час, а значит, нет лишних свидетелей. Люди с оружием ближнего боя выходят на улицы и устраивают смертельный турнир. Это бы многое объяснило. Значит, тела других убитых могли все это время убирать с улиц организаторы и никто бы ничего не заподозрил. Но почему они не убрали того здоровяка? Что-то пошло не так? Может, до этого никто не умирал? Мало верится.

Бертон начал читать дальше и даже наткнулся на еще несколько видео подобного содержания. Что же это такое? Подпольные бои без правил? Но даже будучи полицейским, он ни о чем подобном даже не подозревал. Хотя нет, кое-что было. Ведь он же слышал о чем-то, что происходит ночью, из-за чего ввели комендантский час. Но это не могут быть бои. Полиция бы знала. Только если полицейские начальники сами не замешаны. Но ведь комендантский час действует почти по всему миру. Есть кто-то настолько влиятельный?..

Леброн Бертон с силой захлопнул крышку ноутбуку, потер виски и глубоко вздохнул.

— Ух, куда-то меня не туда понесло. Сейчас еще до иллюминатов и масонов додумаюсь. Тайное мировое правительство рубит бабло на тотализаторах, устраивая ночные сражения на улицах городов всего мира, ага. Кому рассказать, тут же в психушку сдадут.

Перекусив легким завтраком с черным кофе, он вернулся к ноутбуку и продолжил читать, но уже не с таким энтузиазмом.

Когда он закончил свои поиски и отложил компьютер, как раз пришло время ужина, а он ничего не готовил на вечер, да и кота забыл покормить. Заказав китайской еды, а заодно и пиццы на потом, он уселся на диван-кровать, пытаясь переварить события сегодняшнего утра и его дальнейших поисков истины в интернете. Где-где, а там ее крайне мало. Чтобы мысли не разбредались, он решил высказывать их вслух, благо рядом на диване вальяжно развалился

его кот, которого он завел после увольнения, так что его разговор с самим собой со стороны должен был показаться не таким уже и сумасшедшим.

— Итак, — начал он, словно обращаясь к животному, — что мы имеем? По ночам на улицах появляются странные люди в черных одеждах и с необычным оружием. Судя по всему, такое происходит по всему миру. Еще у нас есть труп довольно грозного на вид человека с шипастой перчаткой, которого забили до смерти. Эм... Все, что ли? Я думал, будет побольше информации. — Бертон задумался. — А, точно! Тот человек спортивного телосложения. Вероятно, он как-то к этому причастен. Вот теперь точно все.

Кот, словно дожидаясь окончания монолога, поднялся, спрыгнул с дивана и ушел восвояси.

— Согласен, — сказал Бертон в след уходящей животине, — не густо.

И все это он узнал как-то слишком быстро и просто, а ведь он лишь ввел в поисковике запрос по ключевым словам, что может сделать каждый. И если нечто необычное происходит с самого начала, получается, вот уже десять лет, неужели никто раньше не пришел к тем же выводам, что и сам Бертон? Маловероятно, только если копнувших слишком глубоко... Леброн решил слишком уж не рисковать. Дело, конечно, намечалось действительно интересным, но не настолько, чтобы из-за этого лишаться жизни.

На следующее утро он решил подремать подольше, чтобы к вечеру осталось побольше сил. Бертон решил, что в скором времени выйдет на разведку, то есть отправится на улицу ночью. Он и сам не знал, зачем ему это нужно. Ни денег, ни славы, ни благодарности за работу он не получит, а максимум, что он может поймать, — арест за нарушение комендантского часа. Но Бертон и сам когда-то был патрульным, а потому знал изнутри, как все работает, а значит, мог оставаться незамеченным. По крайней мере, от полицейских патрулей.

Леброн никогда не мог похвастаться железным терпением, а потому отправился на улицы раньше, чем смог подстроить организм под ночной образ жизни. Из дома он вышел еще до заката и старался передвигаться по узким переулкам, куда не проедет машина, а сам Бертон может в любой момент спрятаться за мусорным баком.

Стемнело. На улицах за двадцать минут до захода солнца включились фонари, и люди, потерявшие счет времени, теперь быстрым шагом или даже легким бегом старались как можно скорее покинуть опасные улочки родного города, хотя и сами не знали, почему те опасны. Бертон тоже не знал, но все же кое-что на уме у него было, и чем больше он об этом думал, тем глупее ему казалась его догадка. Ночные бои людей в черном. Легче было поверить в кровожадных привидений.

Тьма полностью накрыла город. На улицах стало тихо, если не считать звуков редких телевизоров, доносящихся из теплых уютных квартир, когда как снаружи заметно похолодало, но пока еще не до дрожи. Бертон начал даже задумываться о неразумности своего поступка. Ночью в темных переулках поджидать странных людей, которые не боятся носить в открытую оружие.

И зачем я вообще в это ввязался? Как бы не было странно, но этот вопрос только сейчас возник у него в голове.

— Дурья моя башка, — прошептал он вслух. — И чего мне дома не сиделось? Потянуло на приключения, видите ли. Как бы завтра утром меня здесь самого не нашли.

У Бертонна, конечно, был пистолет, но он им не пользовался уже очень давно, да и воспользоваться им он мог попросту не успеть.

— Я же не сова какая-нибудь, в темноте не вижу. Кто-нибудь примет меня за одного из бойцов, подойдет сзади да полоснет ножичком по горлу. — От этой мысли он вздрогнул, как от холода, внезапно проникшего под легкое пальто, и обернулся, но увидел лишь тьму. Да, он боялся, но отступать было не в его правилах. Только если совсем прижмет.

Он услышал, как по улице едет машина и так быстро нырнул за пакеты с мусором, что поскользнулся на какой-то воде и рухнул на задницу, пачкая пальто. Дождя не было уже пару дней, и Бертону не очень понравилась мысль, что это могла быть совсем не дождевая вода. Мимо проехала патрульная машина, осветив переулок, где прятался несчастный частный детектив, прожектором, но, ничего необычного не заметив, поехала дальше.

Леброн встал и отряхнул одежду, но добился лишь того, что запачкал еще и руки. Ему потребовалась вся сила духа, чтобы его ругательства не услышал весь квартал. Подавив в себе последние очаги гнева, он направился дальше, всматриваясь в темноту.

Прошел еще примерно час, когда Бертон устал так, что чуть с ног не валился. А ведь прошлой ночью он не спал до более позднего времени. Наверно, в этом и дело, подумал он. Развернувшись, чтобы тем же путем вернуться домой, он вдруг услышал шаги. Частный детектив чуть не подпрыгнул от неожиданности и возбуждения. Наконец-то!

Бертон спрятался за очередной грудой мусора в самой гуще тени, когда человек прошел мимо, и детектив сразу же его узнал, хоть и было темно. Это оказался тот же черноволосый мужчина. Только теперь на нем оказалась одежда, похожая на ту, что он наблюдал на видео в интернете. Бертон сумел рассмотреть лишь черный плащ и нечто продолговатое, висящее у того за спиной. Меч!

Когда человек прошел, Леброн, как можно тише встав и подойдя к углу дома, где стоял неработающий фонарь, посмотрел вслед уходящему. Теперь он точно мог сказать, что оружие оказалось самой настоящей самурайской катаной, которую он видел лишь по телевизору.

Бертон провожал его взглядом, но тут человек вдруг остановился и потянулся за мечом. «Неужели он меня заметил? Да не может быть, тут же темно, как в могиле». Вытянув катану и встав в стойку, он спокойно сказал: «Выходи». Детектив уже было начал подниматься с корточек, как заметил, что его опередили.

Из подворотни вышла тень. Это оказался человек не особо высокого роста в длинном пальто и в широкополой шляпе, за которой он прятал лицо, хотя в темноте и так было невозможно его разглядеть.

— Кто ты? — спросил первый, в плаще и с мечом.

— Позволь сначала мне кое-что у тебя спросить, — отозвался второй. Голос его звучал шершаво и тихо, словно ему трудно говорить, из-за чего Бертон с едва слышал его слова. Не дожидаясь ответной реплики, человек в пальто продолжил:

— Тебе нравится мир, в котором ты живешь? — спросил он.

— Что за вопрос такой?

— Простой вопрос. Многие довольны этим миром, видя его лишь со стороны, словно на картинке, но еще больше людей видят его истинную сущность, считают его прогнившим и заслуживающим изменения, пусть даже насильно.

— Ты Охотник? — спросил человек с мечом после короткой паузы.

«Охотник? — не понял Бертон. — Про каких охотников он спрашивает? Может, подпольные бои заключаются в разделении людей на охотников и добычу, где первые охотятся на вторых? Тогда добычей становятся добровольно или они похищают людей? Каждый год по всему миру бесследно пропадают миллионы человек, и иногда их тела

находят где-нибудь в лесу под двухметровых слоем земли, но чаще не находят вовсе. Неужели это как-то связано? Опять вопросы и никаких ответов».

— Охотник? Ну, если ты имеешь в виду таких людей, как ты, то да. Но если ты о принадлежности к организации, то, боюсь, тут я должен тебя разочаровать.

«Теперь еще и организация. Эти пять минут дали мне больше пищи для размышлений, чем все те часы, проведенные в интернете».

— Значит, ты сам по себе? И что же тебе нужно?

— Все очень просто: я хочу, чтобы ты присоединился ко мне. Вместе мы изменим мир, сделаем его лучше.

— И в чем же заключается его улучшение? — насмешливо поинтересовался человек в плаще. Судя по всему, он не воспринимал стоящего перед ним со всей серьезностью. Встретить Бертон такого один на один в такой ситуации, он бы давно наставил на него пистолет со снятым предохранителем. В Леброне странным образом сочеталась безрассудная смелость и несколько боязливая настороженность. Иногда он неожиданно даже для себя рисковал почем зря, а через секунду уже горько об этом жалел.

— Ты все узнаешь, если пойдешь со мной. Ты сильный, я это узнал после той ночи, поэтому и даю тебе шанс стать одним из нас.

— Той ночи? — Человек в плаще насторожился еще сильнее и поднял доселе медленно опускающийся к земле меч. — Ты о резне? Это ты устроил? И ты... убил Майлза?

— Мне не нужны слабаки, — слегка чванливо ответил человек в шляпе. — Я предложил ему то же, что предлагаю тебе, в надежде, что за сильным лидером пойдут и остальные, но он отказался. Я не мог позволить, чтобы он разболтал о нашей встрече. А потом я просто устроил естественный отбор, чтобы выявить сильнейших. В этом мире слабакам и глупцам не выжить. Чью сторону примешь ты?

— Ты убил всех этих людей, моих друзей, напустив на них Теней, а теперь предлагаешь мне присоединиться к тебе? Я лучше буду на стороне слабаков и трусов, чем на стороне сумасшедшего убийцы, прячущегося за маской!

— Это твой окончательный ответ?

— Да.

Из-за шляпы Бертон не видел, но у человека в пальто за спиной оказался точно такой же японский меч, как и у человека в плаще, и он умело его высвободил с характерным звенящим звуком. Клинок сверкнул в свете далекого фонаря.

— Мне жаль, что ты выбрал не ту сторону и теперь умрешь.

— Себя пожалей.

Человек в плаще поднял меч над головой и опустил его так быстро, что Бертон едва смог разглядеть, однако человек в шляпе легко парировал и провел контрудар, настолько стремительный, что противник едва отпрыгнул, и лезвие лишь разрезало край плаща. Следующий выпад не заставил человека в шляпе врасплох и вот, после очередного контрудара, черноволосый парень схватился за правое плечо.

«Как они вообще могут так драться в крошечной темноте? — промелькнуло у частного детектива. — Я вообще едва вижу, что у меня перед глазами, а они сражаются на мечах, словно средневековые воины, а вокруг солнечный полдень. Невероятно!» Бертон был одновременно в ужасе и восторге от происходящего, но все же надеялся, что до смертоубийства не дойдет. Он очень хотел заснять все на телефон, но в такой темноте даже малейший свет экрана привлечет внимание, и кто знает, может, они решат, что убить

свидетеля важнее, чем сражаться между собой. Возможно, кто-то из жильцов домов услышит на улице шум, заснимет из окна происходящее и выложит в интернет, а то и вовсе полицию вызовет.

Мечники продолжали сражаться, словно находясь не в центре города, а посреди поля боя. Тот, что в шляпе и пальто, несмотря на комплекцию, явно выигрывал. Человек в плаще, было слышно, тяжело дышал и уже прихрамывал на правую ногу. Бертон пропустил, когда его вновь ранили.

— Что, не привык сражаться с другими Охотниками? — заметил человек в шляпе. Голос его был ровнее, чем у второго, но все такой же шершавый и приглушенный.

— Зачем ты все это делаешь?

— Миру пришло время измениться. Людям пришло время измениться. Вы, Тенеловы, заняты тем, что истребляете Теней, но это бессмысленно. На каждую убитую приходится две новые, вылезшие из Дыры.

— А, по-моему, Теней со временем становится меньше. Человек в шляпе громко фыркнул.

— Просто они учатся. Очень быстро учатся. И скоро все в этом убедятся. Только не ты.

На этот раз он первым сделал выпад. Сила удара оказалась таковой, что второго буквально отбросило, но тот удержался на ногах и с ревом бросился на противника, держа меч перед собой. Человек в шляпе ловко отразил удар, звякнув металлом о металл, и, сделав оборот, плашмя ударил катаной по спине человека в плаще, от чего тот вскрикнул, не удержал равновесия и рухнул на землю, тяжело охнув, однако меч из рук не выпустил.

— Если бы я хотел, ты бы уже лежал бездыханным.

— У тебя... ужасные методы... привлечения сторонников, — сказал человек в плаще, пытаясь отдышаться, лежа на холодном асфальте.

— Я убью тебя, — спокойно сказал человек в пальто, — а затем я убью всех остальных, с кем ты работаешь и с кем дружишь. Но также я могу оставить тебе жизнь, а ты спасешь жизнь всем остальным, кого привлечешь на мою сторону.

Человек в плаще медленно поднялся на ноги, опираясь на меч, и, выпрямившись, ответил:

— Мы защищаем людей, — сказал он. — Это опасно для жизни, знаешь ли, но мы сами выбрали этот путь, поэтому никого из нас ты не сможешь запугать и переманить на свою сторону, тем более после того, что сотворил, поэтому не позорься.

— Ты ошибаешься, Джонни. Некоторые разделяют мои взгляды и примыкают ко мне. Я не один.

Бертон не видел, но человек, который теперь получил имя — Джон, — несомненно изменился в лице. Он распрямился, глубоко вздохнул и, снова встав в стойку, молниеносно атаковал противника из последних сил. Человек в шляпе остановил меч своим, при этом держа его лишь одной рукой, а второй же несколько раз с силой ударил человека в плаще в живот кулаком. Джон, выронив меч, упал на землю, свернувшись всем телом и хватая ртом далекий воздух.

Нарочито медленно подняв меч противника, человек в шляпе вернул свой обратно в ножны на спине, потом встал над черноволосым и молча занес его же катану над головой, чтобы обрушить сверху и пронзить. Бертон, будучи бывшим полицейским, да и вообще добряком, как он считал, не мог позволить свершиться убийству у него на глазах. Он выскочил из-за укрытия.

— Стой! — крикнул он, вытаскивая пистолет. — Брось оружие!

— А я уж думал, ты будешь пайнкой и не станешь вмешиваться, — сказал человек в шляпе, даже не обернувшись.

«Он заметил меня? Невозможно!»

— Брось оружие!

Бертон успел выстрелить раньше, чем человек в пальто с силой опустил меч. Вспышка после темноты ослепила его, заставив зажмуриться, а когда он открыл глаза, человек в шляпе уже несся на него с мечом. «Промазал! Разве?» Бертон был готов поклясться, что у человека, который бежал на него, не оказалось лица, хотя это могло показаться из-за мерцающих перед глазами точек, огоньков и искр.

Не целясь, Леброн сделал еще один выстрел, надеясь не почувствовать в ту же секунду у себя в груди холодную сталь клинка. Его надежды оправдались, но вместо пронзающего плоть острия он все же кое-что почувствовал — сильный удар, выбивший у него из легких весь воздух. Пистолет вылетел из рук, но и меч человека без лица со звоном отлетел в сторону.

Человек в шляпе тут же вскочил и побежал, затем Бертон услышал два выстрела, но стрелял точно не он, а судя по звуку выстрелов, это был не его пистолет. Когда он встал, то не увидел человека в шляпе, а Джон убирал свой пистолет в кобуру. Перед Леброном лежало его оружие, которое он сразу же поднял, чуть дальше валялся уничтоженный меч, разломанный пополам близ рукояти.

Джон встал и, продолжая прихрамывать, но при этом почему-то держа спину очень прямо, протопал к своему сломанному оружию. Серdito зыркнув на Бертонa, он молча подобрал части меча и как есть вернул в ножны, после чего развернулся и, ничего не говоря, пошел к переулку между домами на другой стороне улицы. — Стой, — крикнул ему Бертон, поднимаясь с земли. — Что это вообще было? Кто вы такие?

— Это тебя не касается, — ответил Джон, продолжая путь.

— Я спас тебе жизнь.

— А я тебе, так что мы квиты.

Бертон не знал, что еще такого сказать, чтобы удержать человека в плаще и выяснить у него, кто он такой и почему они с человеком в шляпе подрались. Он, конечно, мог бы наставить на него пистолет, но после произошедшего это не казалось ему хорошей идеей.

— Я знаю, где ты живешь! — вырвалось у него, когда Джон уже заворачивал за угол. Он остановился и обернулся.

— Я знаю, — ответил человек в плаще, Джон, спокойным голосом, однако в нем слышалась сталь. — И если ты продолжишь за мной следить, в следующий раз я не стану тебя спасать.

Бертон решил не рисковать и предпочел дожидаться приезда полиции. Взглянув на часы, он только сейчас заметил, что они разбились. Несмотря на перестрелку, приехала всего одна патрульная машина, да и та не так скоро, как он ждал. Одного из сидящих в машине частный детектив знал еще будучи копом, хотя и не общался с ним особо тесно.

— Бертон, это ты? — удивился полицейский, узнав бывшего коллегу.

— Пол, почему вас только двое? И почему вы так долго ехали?

Пол с напарником переглянулись.

— У нас приказ такой. Ночью особо не высовываться и на уличные вызовы не спешить.

— Почему? — удивился Леброн.

— А нам почему знать? Мы лишь исполняем приказы. Ты лучше скажи, никто не убит, не ранен?

— Ну, у меня пара ушибов, а... нападавшие скрылись.

— Давай так решим: ты никому ничего не говоришь и не пишешь заявления, а мы просто отвезем тебя домой и не станем обвинять в нарушении комендантского часа. Сам понимаешь, нам все эти бумаги заполнять одна морока, а того, кто на тебя напал, все равно шансов найти почти никаких.

Бертон на секунду задумался, но все же согласился. И действительно, кого искать? Того человека без лица или этого Джона, с которым они спасли друг другу жизни? Да он вроде и не преступник, наоборот, это он защищался от нападения, а если попытаться привлечь его в качестве свидетеля, то завтра его вообще может не оказаться в том доме, где он должен бы жить, но Бертон-то никуда не денется, так что все шишки достанутся ему.

В машине Пол задал лишь пару вопросов, но только чтобы просто как-то развеять тишину: спросил, как он вообще оказался на улице в два часа ночи так далеко от дома, и кто стрелял. Леброн ответил, что ему просто не спалось, и он решил прогуляться, надеясь, что его никто не увидит, а про стрельбу сказал, что лишь пытался напугать пару человек бандитского вида, которые показались из темного переулка. Ответы не ахти, но Пола это особо и не волновало.

Довезя Бертон до дома, полицейские предупредили, чтобы он больше не высовывался ночью из дома, но он понимал, что это не по причине волнения за него, а потому, что из-за его проделок им снова придется выезжать на место, и от бумажной рутины им уже будет не отвертеться, если в следующий раз они обнаружат труп.

В квартире было тепло. Кот спал на диване и как будто даже не заметил отсутствия хозяина.

— Если бы меня там убили, он бы даже и не вспомнил о моем существовании, пока не закончилась бы еда в миске, — хмыкнул частный детектив.

Бертон хотел принять перед сном душ, а потом подумать над всем произошедшим, дополнив свои домыслы новыми фактами, но не успел снять короткое пальто и запачканные невесть в чем штаны, как на него навалилась такая усталость, что он едва добрался до дивана, который не было сил раскладывать, благо постельное белье лежало свернутым на краю, и Леброн, кое-как побросав все на софу, спугнув кота, завалился спать, оставив размышления себе из будущего.

Глава 5: Последствия

Джон чувствовал, что у него сломано несколько ребер, не считая ранения в плечо и ногу, а также разошедшихся швов на спине, хотя его больше заботил расколотый надвое меч, который он так бережно лелеял долгие годы. Будь он в идеальном состоянии, то не сломался бы от попадания одной пули.

Хромая и стискивая от боли челюсти, он шел и надеялся, что больше из тьмы в эту ночь никто, как черт из табакерки, не выпрыгнет. Но черт его надежд не оправдал, хотя и появился он не из черного проема между домов, а из куда более темных закутков его сознания.

— Из огня да в полымя, да? Не успел оправиться от одних ран, как получил новые.

— Заткнись. Если бы не твои нашептывания...

— Ну, правильно, давай во всем галлюцинации винить. Я лишь часть твоего разума, которую ты не обязан слушать. Ты сам решил выйти.

— Заткнись.

— А тот мужик был страшным, — не унимался Мефисто. — Жуткий голос, жуткая одежда, и эти бинты на лице. А как он силен, орудовал мечом, точно это продолжение его руки. А ведь он прав был, сказав, что ты не привык сражаться с другими Охотниками, а тем более, если у тех похожее оружие. Как думаешь, если бы ты был в своей лучшей форме, смог бы ты ему что-нибудь противопоставить?

И опять Мефистофель, как бы Джон этого не отрицал, говорил верные вещи и задавал вопросы, которые должны были быть заданы, пусть даже и риторически. Тот человек с бинтами на лице владел мечом лучше, чем кто-либо, кого Джон знал, а если учесть, что тот не врал и действительно лично убил Майлза в рукопашном бою, то такой противник ему не по плечу. По крайней мере, если он сам будет один.

Тот парень, что сначала прятался среди мусорных мешков, а потом следил за их боем, попал в него, пусть даже и рикошетом от меча, но тот этого как будто не заметил, а остановил его лишь брошенный Джоном нож, вонзившись человеку в шляпе в ногу, отчего тот и упал. Но даже после этого он довольно бодро смог сбежать, пока Джон доставал непривычный для себя пистолет, и выстрелы так и не достигли цели.

Вспомнив о мече, который ныне бесполезным хламом покоился у него за плечами, между лопатками засвербило, хотя, возможно, это отголоски сломанных ребер, порезанных руки и ноги, порванных швов, а также из-за других мелких ушибов. Несмотря на все это, Джон шел именно домой, а не обратно в бар, где Бобби мог его подлатать.

Он сам не знал, что собирался делать после того, как доберется, но войдя в квартиру, ответ сам его нашел. Домашний телефон разрывался от звонка, а кнопка голосовых сообщений мигала красным.

Джон снял трубку.

— Джон, это ты?! — Это был взволнованный голос Бобби.

— А кто еще может снять трубку у меня дома?

— Почему ты ушел? Я тут весь испереживался. Спускаюсь, а внизу никого, мог хотя бы предупредить.

— Мне просто стало скучно, и я думал, вы спите.

— Да какой там, наши биологические часы так громко тикали, что никто и глаз не сомкнул, вот мы и решили, что лучше надраться, чем бессонно валяться до утра, словно дети в кемпинге. А что у тебя с голосом?

Джон и не заметил, что его голос из-за сломанных ребер слегка изменился, плюс прибавилась одышка и нечто неуловимое, отражающее его боль по поводу сломанного меча, которая донимала чуть ли не больше физической.

— Да так, подрался тут с одним, ну он мне и наkostenял.

Бобби выругался, но отчитывать нерадивого Охотника не стал, хотя Джон тут же сообразил, что тот решил это сделать при личной встрече:

— Так, сиди дома, я сейчас буду.

— Нарушаешь собственные предписания? — ухмыльнулся Джон, и это отдалось в ребра, заставив его скорчиться. Теперь, когда волшебный адреналин улетучился, организму начали чувствоваться все болезненные ощущения сторицей. От Бобби это явно не ускользнуло, но он снова промолчал.

— Мое предписание касается одиночных прогулок, а нас тут четверо. Все, хватит балаболить, мы выдвигаемся.

Когда Бобби бросил трубку, Джон прослушал голосовое сообщение, которое также оказалось от бармена с просьбой перезвонить. Кое-как сняв верхнюю одежду, Джон доковылял до ванной комнаты и задрал майку: весь левый бок представлял собой синюшно-фиолетовое пятно. Сломано не менее трех нижних ребер. Порез на руке не сильный и уже не кровоточил, а вот нога оказалась ранена довольно серьезно, и каждый шаг отдавался острой болью. Только взглянув в зеркало, Джон понял, что и с лицом у него не все в порядке: когда он падал после ударов по ребрам, асфальт добродушно подставил ему свое дружеское шершавое покрытие, оставив на физиономии у виска красноватый потертый след. Спина же вообще представляла из себя картину абстракциониста, у которого в самый разгар работы фонтаном забила кровь из артерии на шее. Всю пахнущую медью красную краску он кое-как смыл теплой водой, а ногу наскоро перевязал найденным в аптечке старым бинтом.

Зайдя на кухню, Джон налил себе обезболивающего безо льда и один за другим вылил в себя два стакана. Налив третий, побольше, он вернулся в комнату и осторожно уселся на диван. Бобби с компанией так его и застали, когда ворвались к нему минут через пятнадцать.

— А он сидит и пьет, — с порога забубнил Бобби. — Этим же ты мог заниматься и у меня в баре.

— Ну, знаешь, как говорят: в гостях хорошо...

— А на улице и по морде отхватить можно. Помолчи лучше.

Достав из принесенной переносной аптечке размером с чемодан все необходимое, Бобби сначала продезинфицировал ссадину на лице пропитанной спиртом или чем-то таким же пахнущим ваткой, потом неведомо чем обильно попшикал на порез на руке, снова что-то пробубнив, что Джон таки додумался промыть раны, хотя можно было и потщательней. Заметив, наконец, обмотанный на ноге бинт, уже пропитавшийся кровью, капающей на пол, он промолчал, но во взгляде читалось больше, чем можно выразить словами.

Закончив, Бобби спросил:

— Ничего больше не болит?

— Только спина и сломанные ребра.

Бармен несколько раз глубоко вдохнул и с силой выдохнул, стараясь успокоиться.

— И почему ты сразу не сказал, что у тебя ребра сломаны?

— Ты сам сказал мне помолчать.

Налив себе принесенного (без спроса) остальными Охотниками виски, Бобби залпом выпил стакан не менее профессионально, как несколько минут назад это сделал и сам Джон, после чего взялся сначала за кровоточащую спину, а затем и за ребра. Все это время остальные просто пили так, словно в баре уже все закончилось, иногда подтрунивая над Джоном.

— Так вот, где ты живешь, — заметил Крис, ковыряясь под ногтями кинжалом с волнистым клинком.

— Как видишь, — ответил Джон.

— Неплохо, но нахватает... — он развел руками, пытаясь подобрать слово, — изыска.

Джон не успел найти, чем ему ответить, как в диалог вмешались:

— И за каким хером ты вылез на улицу, когда тебе сказано было сидеть и не рыпаться? — осведомилась Мари. Ей явно было не по душе вылезать из теплого бара и переться не пойми куда и не пойми зачем. Любому, если это не Бобби, кто предложил бы ей

такое, она пригрозила бы проклятьем.

— Ребята, успокойтесь, — вмешался Кролик. — Синигами досталось, давайте его поддержим, а не станем винить. Не он нас сюда притащил.

Бобби опять глубоко вздохнул, но ничего не сказал. Кролик не отличался храбростью, потому и получил такое прозвище, но несмотря на это, его слова часто граничили с вызовом и даже оскорблением, однако его невинный облик никому не оставлял сомнения, что тот не имел ничего такого. Но так могли подумать лишь те, кто не знал его достаточно близко.

Когда Бобби закончил, он допил остатки виски в бутылке и вопросительно взглянул на Джона.

— В холодильнике еще есть, — неохотно ответил тот.

Все как будто снова взбодрились. Если бы не алкоголь, подумал Джон, меня бы тут живьем сожрали. Но всему есть предел терпения.

— У меня кроме виски ничего нет.

— Пустяки, — махнул рукой Крис. Намек не понят.

— Может, в баре вам будет попросторней?

Мари снова заволокла пелена надменности:

— Это что же, мы тащились сюда через полгорода тебе на выручку, а ты нас так быстро выпроваживаешь?

Через полгорода. Это более чем преувеличение.

— Как сказал Кролик, я вас не звал, Бобби сам решил прийти и прихватить с собой заодно и телохранителей. Вы вылакали целую бутылку виски, оставьте и мне что-нибудь.

— Да бутылка-то и так наполовину пустая была, — заметил Крис, снова махнув рукой, отчего Мари и Кролику пришлось уворачиваться от его кинжала.

— Ты просто пессимист, — ответил Джон.

Пока они спорили, Бобби уже сам сходил на кухню и принес новую порцию, прихватив заодно и стаканы, а то только один он использовал стакан Джона, остальные же пускали бутылку по кругу и пили из горлышка, как какие-нибудь заправские алкаши.

— Никуда мы не уйдем, — сказал Бобби, разливая алкоголь. — Ночь еще не кончилась, а у тебя, кажется, есть что нам рассказать. Это будет достойная плата за нашу помощь. Не забывай, что я тебя больше двух дней бесплатно выхаживал, пока ты валялся в постели, а теперь мне снова придется тебе спину штопать, чтобы шрамы остались не такими страшными.

Джону нечем было возразить. Налив себе побольше, он рассказал обо всем, что произошло, однако в своей сумбурной и краткословесной манере, из-за чего некоторые довольно важные детали остались просто не у дел.

Леброн Бертон никогда не считался храбрецом. Даже будучи полицейским, он старался не лезть на рожон, ажно если дело касалось такого не опасного для жизни дела, как взятки. Лишь единожды он решил всем рискнуть и с треском и позором прогорел, как прогорают свечи, решившие, что могут светить ярче факела. Теперь он частный детектив, бледная тень себя того, каким он был со значком детектива полицейского. Но, даже потеряв призвание, он не перестал желать пылать, пусть даже и не так ярко, как ему хотелось.

Несмотря на активную ночку, проснулся он еще до восхода солнца из-за холода,

обуявшего его. Весь дрожа, он нашел в гардеробе одежду потеплей, принял горячий душ, стараясь разогреть застывшие кости, и укутался в свитер. Приготовив себе легкий завтрак, вернулся к дивану и начал обдумывать все произошедшее прошлой ночью. Несмотря на отсутствие кота, думал он вслух:

— Нет, я, конечно, желал встретить людей в черном, но ввязываться в их разборки в мои планы не входило. Если бы пуля не угодила в меч, расколов его пополам, сейчас бы это я был разрезан надвое.

Словно услышав бормотание хозяина и заинтересовавшись, из гостиной, переоборудованной под офис, прибежал кот, тут же запрыгнув на диван, но вместо того, чтобы улечься, он сел, словно чего-то ожидая. Леброн обычно кормит кота лишь специальным полезным кормом, но иногда ему становится трудно удержаться и не поделиться с питомцем какими-нибудь вкусняшками. С аппетитом проглотив полоску бекона, животное все же решило улечься, словно психолог слушая того, кто ему платит, пусть даже и едой.

— А ведь мне так и не удалось с ним поговорить, — поджал губы Бертон. — Хотя с чего я взял, что он вообще решит со мной разговаривать? И как он узнал, что я за ним следил? И в темноте меж мешков мусора он меня разглядел, как и тот, в шляпе, хотя я руки свои перед собой мог разглядеть, лишь осознавая, что они передо мной.

Кот зевнул, широко раскрыв зубастую пасть, отчего Бертон с трудом удержался, чтобы не подsunуть ему в рот палец, как он любил иногда делать.

— И что это значит? — спросил он сам себя. — Либо они видят в темноте, либо... Даже не знаю. Возможно, они профессионалы, служили когда-то в каких-нибудь войсках особого назначения или вроде того, привыкли замечать незаметное. И что же их заставило начать махаться мечами посреди ночной улицы?

На этот раз кот никак не отреагировал, и Бертон продолжил трапезу.

— Все же они сражаются насмерть, — снова вернулся к размышлениям детектив, проглотив последний кусок бекона с яйцом. — Если бы я не вмешался, этот Джон точно бы лишился жизни, но тогда бы и я не попал под раздачу. И если у него с самого начала был пистолет, почему он им не воспользовался?

Пистолет! Бертон вдруг осознал, что слышал два выстрела, а если полиция заниматься делами не собирается, то выпущенные пули все еще там, застрявшие где-нибудь в стене. Конечно, какие-то сплюснутые пули мало что могли сказать о их владельце, но Леброн понимал, что снова оказался в тупике. Охотники; человек в шляпе, который, судя по всему, убил того здоровяка и собирался убить человека в плаще; массовые убийства и что-то о тенях. Бертон и не услышал всего, а из того, что услышал, почти ничего не понял, но ожидая получить ответы, прошлой ночью нашел лишь новые вопросы. Пусть платы он не получит, но от настоящего дела у него в жилах забурлила застоявшаяся кровь.

Быстренько разогрев в микроволновке пиццу, частный детектив поел, даже не успев ощутить вкуса, и покормил кота. Не удосужившись сбрить уже начинающую мешать бороду, собрался и выбрался на улицу едва ли минуту спустя после официального окончания комендантского часа.

Несмотря на раннее утро, улицы оказались довольно оживленными. Бертон пытался припомнить, какой сегодня день недели, но понял, что давно заблудился в пространстве и времени.

Дойдя до места ночного сражения, а по-другому это и не назовешь, он сразу заметил следы битвы. На асфальте в некоторых местах багровели высохшие и затертые колесами машин следы крови, некоторые довольно крупные, также кровь цепочкой шла до переулка, в котором скрылся Джон, но никто не обращал на нее никакого внимания. Припомнив место, где его сбили с ног, Бертон вдруг обнаружил кровь и там, хотя сам он ранен не был.

— Значит, это кровь того человека в шляпе, — задумчиво проговорил он вслух, почесывая бороду.

Следы вели в тот переулок, где скрылся этот странный тип. Примерно на середине прохода между домами он обнаружил небольшую лужицу крови, но больше тех пятен, что были в начале. Когда он осматривался, его взгляд зацепился за мешки у мусорных баков, на которых покоилось нечто продолговатое, продавливая полиэтилен. Подойдя ближе, он понял, что это нож с заляпанным кровью лезвием.

— Так вот почему человек в шляпе споткнулся, — вновь высказал свои мысли вслух Леброн. — А я-то полагал, это из-за моего выстрела. Джон сказал, что тоже спас меня, но я думал, он говорит о том, что стрелял в преступника, тем самым отогнав от меня. Ха, — усмехнулся он, — преступника. А этот Джон тогда кто?

Не найдя ничего поприличней, Бертон оторвал от одного из мешков кусок черного полиэтилена, завернул в него нож и аккуратно засунул во внутренний карман куртки. Он уже повернулся уходить, замутненный возбуждением от находки, но тут же вспомнил, что шел вообще-то в поисках выпущенных пуль.

Бертон обследовал каждый сантиметр стен домов в поисках необычных отверстий, что заняло у него больше часа. Люди, проходящие мимо, смотрели на него с удивлением и даже с отвращением, как на городского сумасшедшего, которому взбрело в голову вылизать все дома в районе. За это время он нашел лишь одно отверстие, похожее на дырку от пули. Леброн снова обругал себя за свою недалекость: не взял ни пакета для улики (а они у него были), ни что-нибудь, чем можно было выковырять пулю. Конечно, у него есть найденный нож, но использовать одну улику для добычи другой как-то кощунственно.

Тут Бертон осекся. Он уже десять месяцев не являлся полицейским, но продолжал размышлять, как залихватский коп. Несмотря на это, он все же не поленился сходить обратно домой и вернуться уже с небольшим молоточком и узким долотом. Откалывая от кирпича кусочек за кусочком, он очень надеялся, что никто не вызовет полицию или врачей, которые увезут его в дурдом. Он даже посмеялся, представляя, что подумают о нем доктора, когда найдут у него окровавленный нож в куске мусорного пакета и услышат его историю о произошедшем ночью, отчего стал выглядеть еще более больным наголову.

Частному детективу пришлось практически полностью раскрошить кирпич, дабы добраться до желаемого, и вот в его руке уже лежит сплюснутая пуля. Взглянув на нее повнимательней под разными углами света, он неопределенно хмыкнул и достал из внутреннего кармана нож: цвет металлов оказался идентичным, и не походил ни на один из тех, что он видел при использовании ножей и пуль.

Вернув нож на место, а пулю положив в карман штанов, Бертон решил, что вторую пулю искать бессмысленно, возможно, она вообще осталась в теле человека в шляпе, пальто и без лица. Теперь ему уже осталось навестить старых знакомых в лаборатории, чтобы те разузнали все о предметах, что он обнаружил, и о крови на одном из них.

— Если, конечно, мои старые знакомые не пошлют меня лесом и не сообщат начальству о моих находках, — подумал Леброн вслух. — Так, надо кончать болтать с самим собой на

людях, а то ведь и впрямь сочтут за чокнутого. «Ну вот, опять».

Глава 6: Живая тьма

После Великой Мировой Катастрофы многие большие города лежали в руинах, под которыми оказались погребены миллионы жизней. Нью-Йорк не стал исключением, и, несмотря на относительную значимость города и обладание большими финансовыми возможностями, многие районы даже спустя десять лет так и лежат полуразрушенными. Да даже когда город все еще являлся тем городом, что сохранился на фотографиях туристов и в рисунках на конвертах, некоторые гетто никто не собирался превращать в цветущие районы, а теперь, после принесенной Катастрофой разрухи, такие районы стали похожи на настоящие места боевых действий.

После произошедшего правительство не спешило растрачивать средства на неблагополучные районы, уделяя все внимание центру, и местным выжившим пришлось решать свои проблемы самостоятельно. Остатки местных банд, временно забыв о своих распрях, начали потихоньку отстраиваться, действуя сообща с простыми мирными гражданами, которые, по иронии судьбы, раньше тоже боялись выходить на улицу после захода солнца, но не из-за Теней, а как раз из-за этих банд. Завалы в большинстве районов более-менее расчистили, а уцелевшие кирпичи, арматуры и бетонные блоки пошли на постройку новых домов, однако материалов было мало и вскоре кварталы заволокли более легкие в постройке деревянные строения, больше напоминающие кое-как построенные домики кумы Тыквы из книг о приключениях Чиполлино.

Местные жители, конечно, знали о некоем зле, прячущемся в сумраке ночи, а потому с заходом солнца на улицах гетто стало практически невозможно встретить людей. Однако полиция, как и правительство, просто игнорировали район, отчего туда не заезжали редкие патрули и даже не были восстановлены электросети, и жителям пришлось все также самостоятельно чинить и где-то даже заново тянуть провода, дабы освятить хотя бы свои квартиры. Естественно, что из-за подобного отношения, количество жертв Теней в этом районе превышало показатели в иных областях.

Некоторые дома переоборудовали в подобие гостиниц, где в основном жили люди, лишенные родного крова, а ныне дожидаящиеся постройки новых домов или ремонта старых, чтобы туда переехать, но пережидать это на улице, само собой, не желающие. Зачастую подобные гостиницы были изолированы от улицы лучше, чем некоторые частные дома.

Организация «Тенелов», как и полиция, тоже уделяла гетто меньше всего внимания, в основном из-за малочисленности населения и отсутствия какого-либо освящения на улицах. Конечно, в правительство периодически отправлялись запросы, касающиеся дальнейшей судьбы района, но ответы всегда были лишь формальными и не содержали конкретики.

Даже до событий кровавой бойни в таких районах Охотники предпочитали ходить как минимум по трое. А еще только они предпочитали постоянно носить с собой светошумовые гранаты и даже мощные ультрафиолетовые фонари, чтобы отпугивать Теней, чем не раз спасали себе и другим жизни. Почти каждую ночь в гетто погибали или пропадали без вести несколько человек. Первых жестоко убивали и пожирали Тени, а во вторых они вселялись. И даже неизвестно, что хуже.

Они договорились встретиться у одного из относительно уцелевших домов, в котором, правда, не осталось даже окон, потому что в первые ночи после Катастрофы пустые рамы сжигали, но не чтобы согреться, а дабы отогнать кишашую миазмами тьму вокруг. Самые верхние же этажи и вовсе разобрали на материалы.

Оливер пришел первым и теперь ждал друзей, поправляя лямки небольшого портфеля за спиной, в котором находилось все необходимое, чтобы весело отпраздновать семнадцатый день рождения: двухлитровая баклажка пива, которую он спер у заснувшего после пьянки отца, и не немного закуски. Остальное должны притащить друзья. Оливер не боялся превратиться в пьяницу, как его никчемный папаша, потому что, как он считал, может контролировать себя, да и вообще, его спиртное не берет, постоянные алкогольные пары в его деревянном двухкомнатном домике даровали ему иммунитет.

Первый из его друзей появился спустя пять минут.

— Давно ждешь? — спросил Гек.

— Минут пять. Где остальные?

— Не знаю. Явятся, куда денутся.

— Джо может и придет, а насчет Беки сомневаюсь, — покачал головой Оливер.

Гек засмеялся.

— Да ради тебя она не только придет, да еще и одна в этот жуткой дом голышом забежит. — И снова рассмеялся от собственной шутки.

— Хватит уже стебаться, а то я тебя сам сейчас заставлю тут голым бегать.

— Кто это тут голым собрался бегать? — послышался голос из темноты.

— Бека! — воскликнул Гек. — Это мы так, о своем. А мы думали, ты струсил и не придешь. И что же тебя заставило выйти из дома посреди ночи? — поинтересовался он, ухмыляясь и краем глаза наблюдая за Оливером.

— А чем я хуже вас? — с вызовом бросила Бека. — Я тоже ничего не боюсь. Кстати, Оли, с днем рождения.

Оливер в компании Беки всегда чувствовал себя немного зажато и предпочитал больше слушать, чем говорить, но, благо, алкоголь развязывал язык, а он уже успел немного накинуть, допив за отцом оставшуюся на самом дне бутылки водку, отчего его так скривило, что он боялся уже никогда не вернуть нормальное выражение лица. Друзьям, конечно, о таком знать не стоило.

— Спасибо, — ответил он, стараясь придать голосу уверенности. Оливер был очень рад, что сейчас ночь и Бека не видит его лица.

— А, точно, — восторженно воскликнул Гек, — с днюхой. Я и забыл, — усмехнулся он.

— А зачем мы, по-твоему, здесь собрались? — Бека не очень любила Гека, который всегда был веселее, чем положено.

— Чтобы выпить, — заговорил он нарочито менторским тоном, — повод не нужен.

Бека на это лишь цокнула языком и покачала головой. К алкоголю она относилась не слишком положительно, что было еще одним фактором для Оливера, чтобы не стать алкашом.

— Да где же этот Джо? — не выдержал Гек. — Сколько нам его ждать? Может, пока в дом зайдем?

— И что там делать? Дрова должен был он притащить, так что там сейчас не лучше, чем здесь.

Джо пришлось ждать еще минут десять, пока из темноты не показалось его большое лицо и тучное тело. Джо был старше всех в компании, из-за чего старался вести себя как можно более взросло, хотя все знали, что он маменькин сынок. Из-за его пропорций никто не осмеливался говорить ему это в лицо.

— Задержался, — отдуваясь, сказал он таким тоном, будто высказал что-то умное, о чем никто не знал. — Сейчас дерево хрен найдешь, так что я пару досок от дома оторвал, авось, никто не заметит.

Все вместе они вошли в темный дом и по лестницам без перил, которые тоже спилили на нужды, поднялись на ныне последний, восьмой этаж. Чтобы не тратить время, Оливер забрал у Джо большой старый рюкзак с дровами и отправился вперед, пока толстяк с трудом пытался переставлять ноги с лесенки на лесенку. Когда он поднялся, костер уже разгорелся, освещая лица собравшихся.

— Наливайте, — выдохнул Джо, взмахнув рукой. Никто не стал спорить.

Помимо двухлитровой бутылки пива Оливера, на полу стояли «Jack Daniels», принесенный Гekom, несколько банок слабоалкогольных энергетиков от Беки и бутылка водки, которую захватил Джо. Также на закуску были хлеб, колбаса, немного сыра и несколько помидоров с огурцами. Более чем достаточно, чтобы ночь прошла весело.

— А воды простой никто не додумался захватить? — осведомился Оливер.

— Бухло можно запивать только бухлом, — ответил Джо также назидательно, рухнув на пол массивным телом, отчего пол под ним задрожал.

Пьянка началась. Каждый предпочитал пить то, что принес с собой, хотя Оливер не отказался от предложенной Бекой банки энергетика, и теперь у него в желудке булькала смесь из водки, пива и энергетического напитка. Достаточно для того, чтобы его язык превратился в помело.

— Кстати, — заговорил он, — и почему это ночью запрещают выходить на улицу? По-моему, это лучшее время.

— Согласен, — встрепнулся Гек. — Родители говорят, что ночью опасно и люди пропадают, хотя это, скорее всего, из-за того, что они просто сваливают из этой вонючей дыры.

Мечта всех жителей гетто, и, как и большинство мечт, несбыточная. По крайней мере, для Оливера.

— А чего же и ты не свалишь, раз тебе так не нравится эта помойка? — язвительно поинтересовалась Бека.

— Я не говорил, что не нравится, но свалю при первой же возможности. Скоро.

— Это когда же?

— Сказал скоро, значит, — скоро!

Бека хотела снова что-то сказать, ослабившись, но тут их перебил Джо:

— А знаете, почему ночью опасно выходить? — вклинился он, придавая голосу нотку таинственности. Оливер решил, что Джо будет держать паузу до тех пор, пока кто-нибудь не задаст так желаемый ему вопрос:

— И почему же?

— Демоны!

У Оливера пробежали мурашки, и не от холода. Он уже не раз слышал то там, то здесь о том, что ночью по улицам бродят неизвестные сверхъестественные существа, утаскивающие людей прямиком в ад. Конечно, он понимал, что это просто сказки, но все равно, каждый

раз, когда он об этом слышит, волосы у него близки к тому, чтобы встать дыбом.

— Чупакабра! — выпалил тут же Гек.

— Чего?

— Ну, я слышал, что есть такие существа, которые бегают по ночам и пьют кровь животных, типа вампиры. Их никто не видит, потому что действуют они только ночью и очень хорошо прячутся.

Бека усмехнулась:

— При чем здесь чупакабра, сосущий кровь животных, если пропадают люди?

— Я лишь говорю, что слышал.

Их снова перебил Джо, на этот раз более жестко:

— Заткнитесь! Никакие это не чукапабры. Будь это какие-нибудь животные, никто бы не стал устраивать комендантские часы, а просто бы позвали несколько профессиональных охотников, которые бы их и перебили. Тем более запретное время установлено во всем мире. Говорю вам: это демоны из преисподней.

— Откуда ты знаешь?

— Какая разница? Знаю и все.

Мать Джо являлась яркой католичкой и верила во все, во что можно было верить. Когда произошла Великая Катастрофа, она одна из первых обвинила во всем узаконенные незадолго до этого бордели, мол, Господь Бог послал кару с небес в наказание за грехи. Все это не могло не отразиться и на самом Джо, который, несмотря на потуги матери, хотя и не являлся особо набожным, кое-какие вещи признавал. А как иначе, когда живешь в мире, несколько лет назад подвергшемся мощным катаклизмам, которые никто не смог предвидеть, несмотря на передовые технологии.

— Ладно, — заговорила Бека, — продолжай.

Оливер видел, как она дрожит, и тоже явно не от холода. Он очень хотел обнять ее и сказать, чтобы она ничего не боялась, но даже обильная доза алкоголя не пробуждала в нем столько храбрости, а в дополнение ко всему, его самого пробирала мелкая дрожь, которую он изо всех сил старался сдерживать. Одни только Джо с Геком вели себя так, словно вокруг не темная ночь, а самый солнечный день в их жизни, и они не в заброшенном мрачном здании, а в какой-нибудь людной кафешке.

— Так вот, — продолжил Джо, — я слышал, что по ночам бродят самые настоящие демоны. Когда мир потрянуло как следует, это открыло портал в ад, из которого к нам и повылазила всякая нечисть. Демоны очень голодны, так как в аду они уже сожрали все, что только можно, даже своих сородичей, а у нас на Земле пищи полно. Вы вот давно видели бездомных кошек или собак на улице?

Все отрицательно помотали головой. И действительно, животных на улице Оливер не видел несколько лет, но ни разу об этом как-то не задумывался. Теперь же, осознав это, его затрясло сильнее, из-за чего он захотел обнять Беку еще больше, но не только лишь для ее утешения, а каждый темный угол предстал перед ним, как пристанище жутких монстров. Даже Гек уже не мог оставаться спокойным, но страх он пытался заглушить юмором.

— Да кошек и собак бомжи съели, — усмехнулся он. — Вот кому точно есть нечего, а не каким-то там демонам.

— И когда в последний раз ты видел бомжей? — снова спросил Джо тем же голосом. Гек замялся и замолчал, однако на помощь ему пришел Оливер, стараясь не выдать страха:

— Так днем они и не высываются обычно, а бродят ночью, вот их и не видно. Или,

может, после Катастрофы они заняли жилье тех, кто погиб, и теперь ничем не отличаются от остальных.

Джо в ответ лишь хмыкнул и налил себе в пластиковый стакан новую порцию водки.

— Если вокруг демоны, — заговорила наконец Бека дрожащим голосом, — может, нам не стоило вот так ночью выходить?

Джо, закусив выпитое сочным помидором, сок которого растекся у него по подбородку, громко засмеялся, чуть не подавившись.

— Вы во все это верите? — спросил он сквозь смех.

— Но ты же сам...

— А если бы я вам сказку о крокодилах в канализации поведал, вы бы на унитаз садиться боялись? Это все городские байки и не более. Демоны, хах! Да тут люди страшнее демонов. И он снова рассмеялся.

На душе как-то сразу отлегло. Оливер даже обругал себя: уже семнадцать лет, а боюсь каких-то детских сказок. Если бы демоны действительно существовали, их бы с друзьями давно уже сцапали и утащили в ад или сожрали на месте. Тогда бы и на улице ночью было не безлюдно, несомненно нашлись бы люди, решившиеся бороться с монстрами, а Оли таких никогда не видел и даже не слышал о подобном.

Вечеринка продолжилась, и когда уже две трети всего было выпито и съедено, в одном из темных проемов вдруг послышался какой-то шум, словно на бетонный пол упал маленький камушек.

— Слышали? — встрепенулась Бека, стараясь держаться поближе к сидящему рядом Оливеру, отчего тот весь напрягся. — Там кто-то есть.

— Да никого там нет, — махнул рукой Джо, отчего чуть не упал. Язык у него уже заплетался. — Ветер. Или это, — усмехнулся он и громко рыгнул, — бомжи трахаются. С чукапабрами. — Стены снова сотряс пьяный смех толстяка. — Поспорим, никто из вас не зайдет в этот темный проем.

— На что? — тут же откликнулся Гек.

— На что? — Джо огляделся в поисках чего-нибудь подходящего, но так ничего и не найдя, ответил: — А не на что. Если войдешь туда, мы признаем, что ты храбрец, прям как из геройских книжек. Всему району расскажем, какой ты бесстрашный, и предложим другим повторить подвиг. Вот смеху будет! — И он снова рассмеялся, словно репетируя.

Гек встал и глубоко вздохнул, смотря на чернеющий в стене проем. Выпитое явно пробудило в нем больше решимости, чем у Оливера и остальных.

— Гек, не надо, — пискнула Бека, но от этого у Гека только прибавилось решимости. Да что бы он струхнул на глазах у девчонки? Ни за что!

Еще раз глубоко вздохнув, он нетвердым шагом направился в темноту. Все смотрели на него, раскрыв рты и тяжело дыша, словно это они собираются совершить самый смелый поступок в своей жизни, даже Джо во все глаза наблюдал за другом, забыв о стакане с водкой, застывшем на полпути ко рту.

Шаг, потом еще, и еще один. Казалось, что сердца всех бьются в ритм поступи Гека. Остановившись на самом краю бездонной пропасти, он еще раз глубоко вздохнул, переводя дух, и в следующую секунду его поглотила тьма. Все затаили дыхание. Секунда, две, три, тишина. И вот из тени вышел Гек с улыбкой до ушей, тяжело отдуваясь, будто он раньше и сам не понимал, чего боялся.

— Видали? — рассмеялся он немного нервно. — Нет никого храбрей...

Он не успел договорить. Из тьмы у него за спиной вдруг показались две руки, словно покрытые кожей какой-то рептилии, они схватили Гека за руку и шею и рывком втянули обратно во тьму. Время, казалось, остановилось. Все тут же отрезвели, как по мановению волшебной палочки злого волшебника. Джо рефлекторно сжал руку со стаканом, смяв его и выплескивая содержимое на себя. Он вскочил даже раньше, чем Бека начала истошно вопить от ужаса.

Взлетев на ноги, Оливер подхватил под руку девушку, и они все втроем начали медленно отступать к выходу, не отрывая взгляда от черного проема и не веря тому, что видели собственным глазам, надеясь, что это была дурная шутка. Джо дышал даже тяжелее, чем когда поднимался на восьмой этаж этого здания, Бека ревела, захлебываясь в слезах; одна ее рука была прижата ко рту, подавляя возгласы, а второй она сжимала руку Оливера. Сам же Оли не слышал ничего, кроме биения собственного сердца в висках с такой силой, будто оно вот-вот прорвет все вены в теле, словно ржавые трубы.

Ватные ноги едва шевелились, а пол под ногами казался топким болотом. Оливер чуть не испустил дух, когда уткнулся спиной в стену рядом с бывшим дверным проемом, он на миг отвернулся, оглядываясь на внезапную преграду, почти стоявшую ему жизни, а когда повернулся обратно, на пороге черного прямоугольника возник Гек.

Его лицо ничего не выражало, но в свете затухающего костра оно казалось бесцветным, будто у художника внезапно закончилась вся краска, кроме белой. Глаза Гека казались пустыми, словно ничего не видели. Слева от Оливера послышался голос, который он сразу не узнал и вздрогнул:

— Гек, — хриплым голосом позвала друга Бека. Ее лицо тоже превратилось в белый холст, как и лицо Джо, стоявшего за ней. Оливер не сомневался, что ничем от них не отличается. В воздухе резко запахло мочой, однако он не мог сказать, от кого исходит этот запах, потому что сам он не чувствовал, что описался, хотя в таком состоянии он вряд ли мог ощутить, даже если бы кто-то врезал ему по лицу.

Гек вдруг дернулся, открыл рот и закричал, но то был крик не человека. Кто-то потянул Оли за руку, и он не сразу осознал, что это Бека. Дернув свободной рукой Джо за рукав куртки, она побежала вниз по лестнице, увлекая за собой и Оливера. Не так он себе представлял первую прогулку с девушкой, которую будет держать за руку.

Буквально пролетев первый лестничный марш, Оливер и Бека оглянулись и увидели, что Джо все еще стоит на месте, замерев, как истукан. Оли заметил, что запах мочи пропал. Бека попыталась окликнуть Джо, и это получилось у нее лишь с пятой или десятой попытки. Толстяк повернул к ним голову, но если он и хотел что-то сказать, то не успел.

Гек — или то, чем он стал — набросился на Джо с такой силой, что, несмотря на разницу в весе более чем в два раза, тот отлетел метра на два. Бека снова рванула Оливера за руку, и они вместе помчались вниз со всей возможной скоростью.

Оливер не знал, когда именно их руки разжались, но пробежав несколько этажей вниз, он вдруг осознал, что остался один. Остановившись, он начал озираться по сторонам, словно Бека могла оказаться где-то у него за спиной. Пересилив себя, Оли медленно пошел обратно вверх, стараясь дышать как можно тише. Пройдя два пролета, он увидел ужаснувшую его картину.

Бека лежала спиной на лестничной площадке, широко раскрыв глаза от ужаса, а сверху — он не сразу разглядел — над ней не стояло, но склонилось нечто, напоминающее сгусток тьмы. Живой сгусток тьмы. Приглядевшись, Оливер увидел, что это существо там не одно.

Он хотел что-то крикнуть, но пересохший язык не желал шевелиться, а горло, казалось, сжали стальные тиски.

Существо неожиданно раскрыло своими ужасными когтистыми лапами челюсти девушки и в следующую же секунду исчезло у нее во рту. Тело Беки изогнулось и затряслось, словно от мучительных болевых спазмов, раздирающих ее изнутри. Оливер снова запаниковал и неосторожно чиркнул подошвой ботинок по голому бетонному полу, но даже этот едва уловимый звук в тишине пустого здания породил терзающий уши шум, способный поднять из могилы мертвого.

Черные существа все как один повернулись на источник звука.

Оливер бежал так, как никогда не бегал. Спотыкаясь и падая, он расшибал колени и ладони в кровь, в попытке спастись от смерти, но его преследователи оказались быстрее и проворней.

На лестничной площадке второго этажа, где не было стены, он оглянулся, что было большой ошибкой. Одно из существ накинuloсь на него и повалило на грязный бетонный пол, от чего разбросанные повсюду мелкие камушки впились ему в спину. Он не мог найти в себе сил даже пошевелиться, а из глаз текли реки соленых слез. От страха он был не способен хотя бы всхлипнуть или пошевелить руками, даже зная, что от этого может зависеть его жизнь.

Вот существо приблизилось, от чего в нос ударил неприятный запах, словно где-то неподалеку что-то стухло, потом втиснуло свои вонючие лапы между челюстей мальчика и растянуло их до хруста, вот оно заглянуло ему в рот и... отпрянуло. Оно отлетело назад, что-то скрипуче вопя. Остальные, словно выслушав и поняв его, вдруг оскалились (Оливер не видел их ртов, но был уверен, что так оно и есть) и зашипели.

Оли почувствовал, что давление спало, но также он ощутил, что существа не собираются его отпускать, продолжая шипеть и отплевываться. Он медленно поднялся на негнущиеся ноги, не зная, что делать, и продолжая дрожать, и вдруг одно из существ прыгнуло и сильно толкнуло его в грудь.

Последнее, что запомнил Оливер, это наружная стена дома и проем, из которого он вылетел, а потом удар обо что-то твердое, выбившее из него сознание.

Глава 7: Живые мертвецы

Ссылаясь на опасность ходить ночью по улицам, вся честная компания решила переждать ночь у Джона, заодно обчистив его холодильник. На комментарий, мол, сюда они как-то дошли, ответом ему было, что рисковать лишний раз не следует. Он, конечно, мог их всех выгнать, но после того, как Бобби его подлатал, чрезмерная настойчивость могла расстроить и без того шаткие отношения.

Когда Джон рассказал о встрече с человеком в шляпе, Мари так и распирало отправиться по горячим следам и «добить недомерка», но у остальных энтузиазма было намного меньше. Да и что они могли: Мари, предсказательница без нормального оружия, Кролик, старающийся обходить опасность за милую, Крис, который предпочитал выбирать противника послабее, Джон, со сломанными ребрами и раненой ногой, и Бобби, старик, который не брал в руки оружия уже лет шесть, да и не собирался.

Пусть и не вслух, но все Охотники признавали, что Джон довольно силен, и если его кто-то один на один победил в схватке на мечях, да к тому же еще и убил Майлза в

рукопашной, то против этого противника у них нет ни шанса. Трудно даже представить, что бы они поодиночке делали, напади на них в темном переулке хотя бы одна Тень.

— Это все, что он сказал? — спросил Бобби, когда Джон окончил рассказ. — Больше ничего не упоминал? Зачем он убивает Охотников и как собирается «изменить мир».

— Если бы сказал, я бы запомнил.

— И зачем ему нападать на Охотников? — поинтересовалась Мари.

Джон ответил, что не знает этого. О том, что этот человек в бинтах переманивает на свою сторону Охотников, он говорить не стал, потому что отныне не знал, кому можно доверять, не считая Бобби. Бармену Джон доверял даже больше, чем себе; когда родители Джона погибли, именно Бобби приютил его, забрав из детдома. Именно поэтому он пытался выпроводить всех из квартиры, чтобы остаться с ним наедине и рассказать полную версию произошедшего.

Ночь прошла быстро, и компания умудрилась надраться до зеленых чертиков. Бобби не был исключением, и потому Джон решил дожидаться более удобного случая, чтобы сообщить ему важные детали.

Весь следующий день Джон провел дома, заперев дверь и окна, на которых стояли решетки, покрытые амбисидианом. На второй день, который, несмотря на приближающуюся зиму, казался довольно теплым и солнечным, Джон решил прогуляться до центра, где уже давно не бывал, особенно в лучах солнца.

Слегка прихрамывая, он шел, и окружающий его мир казался ему приторным и наигранным, словно это декорации, а люди очень плохие актеры, давно забывшие свои роли и теперь неумело импровизирующие.

Нью-Йорк. Большое яблоко, кишущее червями и забивающееся своими пропахшими гнилью миазмами в легкие серой массы почти ничего не подозревающих — или просто скрывающих свои недалекие догадки — граждан. Этот некогда процветающий город превратился в клоаку, где каждый день происходят ужасные вещи, от которых любой здравомыслящий человек желает держаться подальше, до боли зажмурив веки, дабы скрыться от реальности. Но это становится видно только гнетущей ночью. Днем же этот город потрясает горожан и туристов своей красотой и жизнерадостностью. Все эти огромные плакаты и неоновые вывески в центре города скрывают за собой заплесневелый и пропитанный чернью истинный облик. Как только покидаешь фальшивое сердце города и выходишь на мрачные обветшалые улочки с домами, увитыми венами треснувших стен, то чувствуешь весь смрад этого Богом забытого места, где ночь воняет кровью, а еще... серой. Даже если серы в воздухе на самом деле и нет, вонь как будто сочится из людей, которые на деле могут ими и не являться, оседая в легких толстым слоем.

Джон продолжал идти, жмуря глаза от слишком яркого даже для разгара дня света, а уши ему хотелось забить ватой, так не привычен для него шум дневного мегаполиса. Ночью никому выходить нельзя, поэтому каждый стремится с максимальной пользой потратить то время, что ему отведено. Джон, наблюдая за тем, чем занимаются окружающие, никак не мог назвать это полезным делом. Ночная тишь для него куда предпочтительней городской суеты.

Дойдя до самого центра города, он повернул назад, возвращаясь уже другой дорогой. Проходя мимо «Венериной мухоловки», он остановился, всматриваясь в зашторенные толстыми занавесками окна. Что-то ему подсказывало, что Хелин чувствует его присутствие, но даже если так, в окно она вряд ли выглянет. Постояв немного на противоположной стороне улицы, как стоял далеко не единожды, на этот раз он повернулся и пошел дальше,

так ни разу и не оглянувшись. В голове у него гуляли странные мысли; обычно в такие моменты появляется Мефисто и говорит какую-нибудь чушь, которая оказывается верными словами, но на сей раз, видимо, он решил оставить их при себе.

Иногда, проходя по гулким улочкам Нью-Йорка, Джон забывал об истинной сущности этого города. Яркое светит обжигающее солнце, невольно заставляя щуриться, по тротуарам гуляют влюбленные парочки и мамы с колясками, ездят таксисты, выискивая клиента пощедрей... Но как только взгляд попадает на переулки между домами — вонючие, темные, зланные и нагнетающие чувство безысходности, — понимаешь всю фальшь предстоящего пред тобой мира. Красивый фантик скрывает под собой коричневую массу, и это явно не шоколад.

Редкий день у Джона пролетал так быстро, как этот. На улицах уже начали сгущаться сумерки и включаться фонари, предупреждающие о скором комендантском часе, когда он вернулся в квартиру, прихватив из магазина несколько бутылок виски и еды. Как обычно осмотрев замок на следы взлома, зашел в квартиру. Не успев войти в комнату, он замер. В кресле сидел человек, лицо его скрывал капюшон. Джон даже сам не ожидал, что задержится допоздна, а потому не захватил с собой никого оружия. Он осторожно сделал шаг к скрытому в шкафу тайнику с оружием, но тут в руках у человека мелькнул пистолет, направленный в его сторону.

— Прощу, — послышался знакомый голос, — не делай резких движений. Я не хочу причинять тебе вреда.

Душа Джона ушла в пятки, он широко раскрыл глаза, ошеломленный этим голосом.

— Майлз? — удивленно выдавил он. — Ты же...

— Мертв? — закончил он за него и свободной рукой откинул капюшон. Майлз выглядел так же, как и всегда, а на заросшем лице не было ни следа побоев.

— Я не понимаю...

— Ты ведь встречался с Мрачным Жнецом?

— Мрачным Жнецом?

— Это тот человек, в шляпе и с забинтованным лицом. Когда он предложил мне то, что предложил тебе, я в начале тоже послал его куда подальше, за что он меня и отметелил за милую душу. — Майлз усмехнулся, затем добавил: — Присядь, я хочу нормально с тобой поговорить, кое-что объяснить.

— При нормальном разговоре один собеседник обычно не тычет в другого дулом пистолета, — заметил Джон, но все же сел на диван напротив человека, которого, может, и не считал лучшим другом, но после его «смерти» все же ощущал потерю. Пакет с продуктами он поставил подле себя, так, чтобы пара бутылок виски выглядывало наружу удобными для держания горлышками; лучшей альтернативы оружию у него под рукой не было.

— Я лишь желаю, чтобы ты выслушал меня. С чего бы начать...

— Начни с той ночи, когда ты встретил этого Жнеца и почему подстроил свою смерть, — сдержанно сказал Джон, сжимая ладони в кулаки.

— Ты прав, — согласился Майлз, качая головой. — Я вышел из бара примерно через час после тебя и направился домой, когда из переулка появился этот человек в шляпе. Он начал о чем-то говорить, что-то спрашивать, а я был так пьян, что ни слова не разобрал, и просто послал его к черту. Тогда-то я и получил первый удар. Сразу же я не отрезвел, но все-таки понял, что драки не избежать. Он даже дал мне время надеть мои перчатки, ну, ты знаешь, и

только после этого снова на меня набросился. Или я на него, не помню. В общем, он меня победил и избил до полусмерти, это я уже потом узнал.

— Это понятно, — перебил его Джон, — но если ты не умер, почему скорая увозила тебя, словно ты труп?

Майлз вздохнул, словно собираясь с духом. Его пистолет был у него все еще в руках, но не направлен на Джона. В его огромных ладонях он выглядел детской игрушкой. В последний раз Джон видел друга с пистолетом в руках несколько лет назад, когда они, как и остальные нынешние Охотники, проходили подготовку. «Даже если я успею к нему прежде, чем он выстрелит, оружия при себе у меня нет, а в кулачном бою он намного превосходит меня, даже бутылка не поможет, да и с такими ребрами первый же удар станет для меня последним. Лучше подождать и выяснить как можно больше информации, возможно, после я что-нибудь придумаю».

— Когда я отключился, — продолжил Майлз, — этот самый Жнец вколол мне какой-то гадости, из-за чего мое сердцебиение стало редким, как и дыхание, поэтому со стороны трудно было понять, что я жив, да и эта кровь повсюду. — Он снова тяжело вздохнул. — Он всего мне не объяснял, но, как я понял, Жнец подкупил несколько человек из полиции, скорой и морга, а может, там просто работали его люди. Одним из них был и патологоанатом, который составил ложные документы о моем вскрытии, отчеты там и все такое, я в этом не разбираюсь. В общем, меня он отвез на одну из своих баз, где рассказал о своих планах по... изменению мира. Вначале я ужаснулся, я сказал, что лучше умру, чем перейду на его сторону и позволю ему сотворить такое, назвал его психом, но со временем он меня переубедил. Он объяснил, почему мир должен быть изменен, привел доводы, что иного выхода нет, что только так мы... Я не могу тебе сейчас всего рассказать.

Майлз потупил взгляд и облизнул пересохшие губы, но у Джона и в мыслях не было предложить ему воды или виски. Хотя человек в шляпе и сказал ему, что некоторые из Охотников переметнулись на другую сторону, он и представить не мог, что одним из них может оказаться добряк Торсон. И это после того, как этот Жнец вырезал больше десятка таких же, как и он, Охотников, и почти стольких же серьезно ранил.

— Зачем ты пришел? — жестко спросил Джон, отчего Майлз даже вздрогнул.

— В ту ночь, когда ты... сразился со Жнецом, он хотел сделать с тобой то же, что и со мной: вырубить и увезти. Это... это я предложил ему твою кандидатуру. Я знаю, что ты не считаешь меня таким уж другом, но я, несмотря на прошлое, не могу думать о тебе по-другому. Я надеялся, мы вместе... изменим мир к лучшему.

— Ты лишь подтвердил мои опасения, что тебе как следует промыли мозги, но так и не ответил на вопрос.

Майлз замялся, поджав губы, словно хотел оспорить слова Джона о промывке мозгов, но все же не стал, вместо этого ответив на вопрос:

— После той ночи, когда ему помешали исполнить намеченное, Жнец решил, что ты не подходишь. Да ты его еще и ранил, — заметил он таким тоном, словно обрадовался, что Джон, в отличие от него самого, оказался способен на это. — В общем, этой ночью он планировал тебя прикончить, пока ты еще не совсем оправился от ран. Но я был кардинально против, ты бы видел, как я взбесился, — хмыкнул он. — Я еле уговорил его дать мне шанс поговорить с тобой и все объяснить.

— Ты не сказал мне ничего нового, — заговорил Джон после долгой паузы, — кроме того, что тот человек не просто сумасшедший, но может свести с ума и других. Мне плевать,

что он стремится изменить мир, но если ради этого он готов убить всех, кто с ним не согласен, я никогда не пойду за таким человеком. И я буду лишь призирать тех, кто пошел у него на поводу и смотрит сквозь пальцы на то, как этот человек жестоко убивает их вчерашних друзей. Ты считал меня своим другом, отныне же можешь наречь меня своим врагом.

Тяжело вздохнув, Майлз поднялся из кресла, став похожим на огромного медведя, который вот-вот накинется на свою жертву. Подняв пистолет к глазам, он осмотрел его, словно впервые увидев, а потом засунул в карман, точно простую игрушку.

— Мрачный Жнец сказал, что если я не смогу тебя уговорить, то должен убить. Ох, и вставит же он мне, когда я скажу ему, что не смог этого сделать. Но в следующий раз, когда мы встретимся, если ты будешь моим врагом, я буду твоим. Кстати, я решил сменить имя, как ты и хотел, называй меня теперь Бальдером.

Он повернулся и тяжелой поступью пошел к двери.

— Почему?

Майлз остановился и оглянулся:

— Это обратная психология, — сказал он. — Мы уничтожали Теней, чтобы спасти мир, а что, если мир нужно спасти иначе, действуя наоборот?

— Это по-другому называется.

Майлз Торсон пожал плечами и открыл дверь, но снова замер, словно о чем-то задумался, потом сказал:

— Почти через месяц Рождество. Шумный праздник.

Когда за Майлзом аккуратно закрылась дверь, Джон просидел на диване еще минут десять, после чего переоделся в ночную форму и отправился в бар. За все это время ни он, ни Мефисто не проронили ни слова.

Бертон сидел дома в ожидании звонка. По старой дружбе ему все же согласились сделать анализы быстро и тихо и связаться через несколько дней. Он весь извелся в ожидании и уже было сам вознамерился позвонить в лабораторию, когда раздался телефонный звонок. Бертон был практически одет, поэтому лишь накинул сверху куртку и отправился к автостоянке недалеко от дома, сел в свой старенький «Форд Скупидия» и поехал к лаборатории. На самом деле до нее было не так уж и далеко, однако этот день выдался довольно прохладным, чтобы идти пешком, ожидали даже выпадения снега, хотя пару дней назад светило солнце и погода казалась чуть ли не весенней.

Доктор Алим встретил Бертон у себя в кабинете, а не в лаборатории, где проводил большую часть времени, изучая улики, присланные ему полицией; по крайней мере, так было, когда частный детектив еще являлся копом. Его кабинет был уставлен фотографиями многочисленной семьи и различными безделушками, хотя во всем остальном он мало чем отличался от самой лаборатории. На краях стола лежали целые кипы бумаг, которые, несмотря на виданный хаос, имели свой порядок, понятный лишь самому Алим.

Доктор встал, когда к нему зашел Бертон, чтобы пожать тому руку, после чего жестом пригласил его сесть на довольно неудобный жесткий стул с прямой спинкой, хотя сам он сидел в дорогом на вид кресле с вращающимся сидалищем. Бертон подумал, что доктор Алим не часто принимает гостей у себя в лаборатории, в том числе и личном кабинете.

— Доктор Алим, — начал Бертон, — спасибо, что сделали все так быстро. Даже не знаю, как вас благодарить.

— Погоди благодарить, — добродушно отмахнулся он, — я еще ничего не сказал.

— Конечно-кончено.

— Так, с чего бы начать. Ладно, насчет ножа и пули. Ты оказался прав и они действительно сделаны из одного металла, хотя, если быть точным, это сплавы, которые незначительно отличаются.

— Сплавы?

Бертон так с самого начала и подумал, хотя в металлах он мало разбирался, а потому сходу не мог сказать точно.

— Амбисидиан. Слышал о таком?

— Где-то когда-то, но если честно, не представляю, что это за сплав. Он используется при изготовлении оружия?

Алим усмехнулся:

— Только если в коллекционных целях. Понимаешь ли, амбисидиан — это сплав золота и серебра, плюс небольшое количество какого-нибудь другого металла, а то и не одного, чтобы сплав стал крепче и мог приобрести необходимые в той или иной мере качества. Собственно говоря, амбисидиан довольно бесполезный сплав, в том смысле, что его можно заменить на другой, характеристики которого будут выше, а цена в разы ниже.

Бертон задумался, пытаясь переосмыслить новые данные. «Так те люди в черном не просто сражаются друг с другом, а используют при этом дорогущий сплав, когда его можно заменить на что-то более серьезное и дешевое? Бессмыслица какая-то. А может, такое оружие использует только Джон? Но зачем? На выпендрежника он не похож». Леброн спросил, зачем кому-то использовать оружие из этого сплава.

— Зачем? — переспросил Алим и покачал головой. — Если честно, совсем не представляю. Даже если учесть, что нож сувенирный, хотя на таковой он не похож, чтобы сделать из сплава золота и серебра настоящую пулю, да еще и использовать ее по назначению, нужно быть либо сумасшедшим, либо мухой в кедах. Если честно, никогда не видел оружия из этого сплава. Не знаю, Бертон, во что ты там ввязался, будучи этим своим частным детективом, но советую отказаться от этого дела, а то ненароком в следующий раз такую пулю придется вынимать уже у тебя из головы.

«Если бы только ты знал, — подумал Бертон. — Несколько дней назад меня мечом из такого металла чуть напополам не разрезали».

— Я понял, — отозвался он. — Об остальном, думаю, я могу прочитать в интернете.

— Да, там есть интересные статьи об этом.

Бертон надеялся, что они более информативны, чем сообщения о людях в черном.

— А что насчет крови на ноже? Вы изучили ее?

Доктор Алим как-то сразу нахмурился, но потом морщины на его смуглом лице разгладились и он сказал:

— Изучил. И эта кровь еще странней, чем оружие из амбисидиана.

— Почему?

— Видишь ли, она принадлежит человеку, который болен довольно редкой болезнью. Называется она болезнью Гюнтера, или эритропоэтической порфирией.

— Честно говоря... — начал Бертон, покачав головой.

— Если коротко, это кожная болезнь, из-за которой человек не может находиться на

солнце, а иначе его кожа начинает, если можно так выразиться, разрушаться. Очень страшная болезнь. И эта кровь принадлежит как раз такому человеку. Судя по следам, нож вошел довольно глубоко, но трудно представить, кому понадобилось воткнуть в человека, больного порфирией, нож. По правде сказать, это впервые за более чем двадцать лет моей работы в этой лаборатории, когда дело настолько необычное. Я так понимаю, ты мне не раскроешь детали своего расследования? — неуверенно заулыбался доктор Алим.

— На самом деле, я и сам мало чего понимаю, — ответил Бертон, — а после разговора с вами все только усложнилось.

Он замолчал, а вместе с ним молчал и доктор Алим. Леброн буквально через минуту спохватился:

— Ой, извините, я опять ушел в себя, обо всем позабыв. У вас есть что-нибудь еще для меня?

Доктор Алим задумался:

— Ну, кровь в базе данных полиции не числится, пуля тоже выпущена из неизвестного оружия, так что... — развел руками Алим.

— Да-да, вы и так сделали больше, чем я рассчитывал. Не обижайтесь, но я, если честно, думал, что вы меня либо вообще не станете слушать, либо расскажете все шефу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— На самом деле, — снова нахмурился доктор Алим, — я сначала так и хотел, но потом подумал, что тебе и так досталось. Не знаю, чтобы я делал, если бы меня уволили. Из-за комендантского часа преступлений стало меньше, так что и мы тут в лаборатории редко трудимся в поте лица, а деньги все равно получаем те же, да и пенсия приближается. Хочу последние годы провести так же спокойно, а если бы я сообщил капитану, то кто знает, во что бы это вылилось. Лучше сидеть и стараться никуда не лезть, чего и тебе советую. На твоём месте, я бы сменил профессию на что-нибудь менее опасное и более интересное, ты еще молод, у тебя вся жизнь впереди.

— Спасибо, доктор Алим, я запомню.

Вытащив из сейфа пакет для улики с ножом и пулей, Алим отдал их Бертону, сказав, что позвонит, если что-нибудь еще станет известно, после чего они тепло попрощались, хотя доктор так и не сказал, чтобы тот заходил, если что.

Бертон шел домой, как обычно задумавшись о чем-то своем, и только когда под куртку пролез холод близкой зимы, он вспомнил, что приехал на машине. Шлепнув себя по лбу, он развернулся и быстрым шагом направился обратно, коря себя за забывчивость.

Пока он ходил туда-сюда, мысли даже и не думали прекращать прокрадываться к нему в голову: «Зачем ему понадобилось таскать с собой меч и нож из сплава дорогих золота и серебра? И пули. Пистолет у него тоже из этого амбисидиана? И тот человек без лица... А что, если мне не показалось, а у него и правда не было лица из-за болезни? Судя по движениям, на больного он не был похож. Опять куча вопросов», но с каждым новым Бертон все больше жаждал найти ответы. Даже когда он был копом, таких странных дел ему в руки не попадалось. Может, в этом и дело?

На улице все еще было довольно светло, хотя солнце уже скрывалось за большинством высоток, возведенных после Катастрофы по технологиям, которые должны были защитить их от новых землетрясений. Бертон очень надеялся, что деньги были потрачены зря.

Он шел по подземной парковке, в которой, казалось, было еще холоднее, и каждый шаг понижал температуру как минимум на градус. Он уже шел по ярусу, на котором оставил

автомобиль, когда впереди ему послышался какой-то шум.

Вдруг одна из лампочек за ним с резким хлопком лопнула, наполнив полупустую парковку множеством эхо. Бертон подпрыгнул так резво, что из холода его тут же бросило в жар, но затем мороз вернулся, накинувшись на него с еще бóльшим остервенением. Выдохнув, он пошел дальше. Подумаешь, лампочка лопнула.

Бах. Еще одна лампочка разлетелась на калейдоскоп стекол и искр.

— Кто здесь? — громко спросил Леброн. Страх заставляет людей вести себя глупее, чем они есть, задавая соответствующие вопросы.

На всякий случай Бертон вытащил из кобуры пистолет и переложил в карман куртки. Третья лопнувшая за спиной лампочка заставила его снять оружие с предохранителя. Он ускорил шаг, больше не чувствуя сковывающего холода, который теперь как будто рассеялся от жара тела, нагнанного бешено бьющимся сердцем. Бертон не боялся темноты, но тьма позади него словно ожила и преследовала его.

Когда лопнула очередное светило, частный детектив остановился, но не потому, что успокоился или решил сдаться, а потому, что лопнуло оно впереди, как раз над «Фордом Скупидия», осыпав автомобиль осколками. Пистолет оказался в руках Бертона быстрее, чем сердце успело сделать еще один быстрый удар.

— Кто здесь? — снова спросили он, однако вопрос теперь звучал не так глупо, — кто-то здесь и в самом деле был. — Стреляю без предупреждения в воздух!

Сзади послышались шаги. Бертон так резко развернулся, что чуть не упал. В десяти метрах от него стоял человек. Его лицо заливала бледность, а глаза как будто налились кровью. Несмотря на холод, он был в легких штанах и тонкой кофте на голое тело.

— Кто ты?

Вместо ответа у человека в руке, до этого заведенной за спину, появилось оружие, похожее на тесак, и он устремился к Бертону, медленно, но маниакально уверенно.

— У меня пистолет, — выкрикнул детектив очевидную вещь, держа странного парня на мушке, но у того даже мускул на лиц не дрогнул, словно это застывшая от холода маска. Когда он замахнулся, Бертон выстрелил.

Парень упал лицом вниз, выронив тесак, но не успел Леброн даже подойти ближе, чтобы удостовериться в его смерти, как новые шаги послышались сзади, сопровождаемые взрывом очередной лампочки. Теперь над Бертоном горело всего три источника не очень яркого света, расстояние между которыми было метров десять. Он снова резко обернулся, направив оружие на источник шума, и увидел еще одного человека, который мало чем отличался от первого, не считая абсолютно лысой головы.

— Что вам надо? — выкрикнул Леброн, надеясь, что хоть со вторым ему удастся договориться, пока тут не стало на еще одного трупа больше.

Второй упал даже раньше, чем успел поднять над головой острый клинок, хотя упал он на спину. Продолжая наставлять на него оружие, Бертон стал обходить его по широкой дуге, чтобы поскорее добраться до машины, и тут он краем глаза кое-что уловил. Точнее, ничего не уловил, хотя должен был. Тело первого человек с тесаком исчезло, как и сам тесак. На том месте осталась лишь маленькая красная лужица крови.

Волоски на затылке затрепетали, а тьма вне тусклых лампочек стала густой, словно смола, из-за которой зрение начало подводить. Бертону, казалось, что он окружен, что вот-вот из тени выпрыгнет один из людей с острым клинком в руках и погромсает его на мелкие кусочки.

Вдруг тело перед ним зашевелилось. Человек медленно встал, продолжая сжимать в руке широкий тесак, а в груди у него слегка кровоточила дырка от пули, совсем небольшая, но достаточная, чтобы убить. Леброн выстрелил вновь, но на этот раз человек просто отшатнулся, словно его всего лишь толкнули в грудь. Бертон услышал сзади новые шаги, и, развернувшись боком, все еще направляя на лысого человека пистолет, разглядел во тьме силуэт. Он не мог сказать, был ли это тот, которого он подстрелил первым, или же это уже третий.

Сделав еще два выстрела во второго, лысого, Бертон быстро залез на одну из немногих стоящих на стоянке машин, запрыгнув на крышу. Из темноты вышел первый, и теперь перед ним стояло два человека с тесакми, лица которых казались бесстрастными, словно у мертвых кукол. Конечно, куклы, будучи оными, не могут быть мертвыми, но эти «люди» казались именно такими.

Они начала медленно обходить машину с двух сторон. Бертон выпустил всю оставшуюся обойму, чтобы остановить хотя бы одного, но все, чего добился, смог отстрелить ему руку, повисшую бесполезной плетью, однако во второй он все еще сжимал тесак.

Когда первый из бледных людей замахнулся, чтобы ударить клинком по ногам Бертона, он перепрыгнул на капот машины, но не удержал равновесия и упал на спину, разбив лобовое стекло, и тут же почувствовал острую боль в районе груди. Незащищенное острие амбисидианового ножа, лежавшего во внутреннем кармане куртки, больно вонзилось в плоть. Бертон вскрикнул и сразу же скатился на холодный бетон с капота машины, который мгновением позже обзавелся, помимо вмятины, двумя резаными следами от тесаков.

Не видя выхода, детектив достал пакет для улик с окровавленным ножом в нем.

— Боже, надеюсь, эта болезнь Гюнтера не передается через кровь, — вслух подумал Бертон, разрывая пакет. Кончено, так улики использовать нельзя, но он очередной раз напомнил себе, что давно уже не коп.

До выхода с парковки на лестницу было не так уж далеко, но Леброн боялся, что в темноте его могут поджидать другие убийцы, тем более, что ярус, на котором он находился, располагалась на несколько этажей ниже поверхности, из-за чего пришлось бы выбираться по лестнице, на которой света также могло не оказаться, а пространство крайне ограничено, и потому он остановился у самой границы, куда доставал тусклый свет одной из ламп. Единственным разумным выходом было проскочить мимо медленных людей с тесакми, забраться в машину и дать по газам, но она стояла в темноте, а эти неубиваемые монстры могли лишь притворяться медленными и нерасторопными, дожидаясь ошибки жертвы.

Бертон никогда особо не любил ножи, особенно если ими кто-то пытался его пырнуть, так что его умения обращаться с ними ограничивались нарезанием хлеба и колбасы для бутербродов, но когда эти люди подняли свои тесаки, Леброн пригнулся и отпрыгнул вбок от того, что стоял справа, стараясь полоснуть его как можно сильнее по ноге. Он не рассчитывал на какой-либо эффект — если их пули не берут, то куда там ножу? — но ошибся.

Человек взревел, хватаясь за пораненную ногу и выронив тесак. Второй же, взглянув на раненного приятеля, вдруг оскалился, согнав с лица маску бесстрастия, и зарычал, словно разъяренный медведь. Бертон понял, что разворошил осиное гнездо.

Резко вскочив, он бросился куда глаза глядят, и за ним тут же помчался человек с тесаком, как раз тот, чья левая рука висела плетью, причем на сей раз он не являл собой тихохода, а решил показать все, на что способен, будучи явно быстрее и нагоняя жертву.

Бертон не сразу сообразил, что бежит обратно к тому автомобилю, на котором недавно пытался отстреливаться. Подбежав как можно ближе и чувствуя на затылке дыхание преследователя, он внезапно изменил направление и помчался вдоль машины; сзади слышался звук ударяющегося тела человека с тесаком, который не успел среагировать, о машину и звук разбивающегося бокового стекла. Вся погоня сопровождалась криками преследователя и невнятным тихим бормотанием преследуемого. Бертон даже сам не осознавал, бубнит ли он молитвы или строит трехэтажные маты, а может, сразу все; он лишь желал выжить.

Он остановился, тяжело дыша, с другой стороны. Человек с тесаком пытался до него дотянуться, но высота автомобиля не позволяла ему этого, а с одной рукой, в которой зажат тесак, это оказалось практически невозможно, и он лишь бездумно долбил по крыше холодным и острым оружием, злобно рыча. Когда он пытался обойти машину кругом, Бертон двигался в том же направлении, чтобы между ними всегда оставалась непреодолимая преграда. Второй человек уже встал, но из-за ранения не мог нормально двигаться, но все равно медленно приближался к машине, не желая оставаться безучастным.

— Черт! — выругался Бертон вслух. — Да кто вы такие?!

Ответа, естественно, не последовало.

Сейчас он мог думать лишь о том, что нож в его руке куда действенней пистолета, но проблема была в том, что он не желал приближаться к этим людям, даже не будь в их руках тесаков. Он решил рискнуть.

Кружась вокруг машины, Бертон выбрал момент, чтобы оказаться с той стороны, где было ближе до его собственного автомобиля, и когда жуткий человек снова ударил по крыше, отчего его тесак на миг застрял в железе, Леброн рванул так резко, что его бросило вперед. Пытаясь удержать равновесие, он начал делать широкие шаги и махать руками, как если бы впервые пытался научиться ходить, но все же не удержался и рухнул на землю, разбив нос в кровь. Нож отлетел на пару метров.

Повернувшись набок, детектив увидел несущегося на него человека, хотя его взор больше был прикован к широкому тесаку у него в руке. Подскочив на месте, Бертон прыгнул за ножом и успел схватить его прежде, чем клинок противника обрушился сверху. Он неловко подставил свой нож, зажатый в левой руке, который на фоне тесака казался бесполезной пилочкой для ногтей, но все же кое-как защитился от удара. Запястье пронзила острая боль. Человек с тесаком, то ли спотыкнувшись, то ли заранее решив так сделать, навалился на частного детектива сверху всей своей массой. Клинки со звоном разъехались, и Бертон почувствовал, как острый и широкий клинок глубоко впивается ему в плечо, едва защищенное тонкой курточкой и свитером.

Он уже попрощался с жизнью, как вдруг осознал, что человек на нем не шевелится. Навалившись целой рукой, он со скрежетом сбросил с себя тело на спину и увидел, что в груди у того торчит нож из амбисидиана, вонзившийся по самую рукоять. Бертон даже не успел вздохнуть от облегчения, как на него навалилась боль. «Запястье на левой руке, похоже, сломано, а рука вот-вот отвалится, как отрубленный сук». Не успел он сделать второй вздох, как услышал шарканье. Подняв голову, он увидел, что второй человек с тесаком буквально в нескольких шагах от него.

Поднявшись с максимально возможной скоростью, Бертон поспешил к своему автомобилю, по пути с трудом вынув нож из груди убитого, надеясь, что тот не очнется. Вначале ему так и показалось, что тот до сих пор жив, но открытые глаза неподвижно

смотрели в пустоту.

Частный детектив сам не знал, как добрался до машины, достал чудом не выпавшие из кармана ключи и забрался в автомобиль. Свист от шин набирающей скорости машины разнесся на всю парковку. Бертон мчался прямо на идущего на него человека с тесаком, но тот отпрыгнул в последнюю секунду, однако край автомобиля все же задел его, отбрасывая в сторону. Не сбавляя скорости, Леброн переехал тело лежащего. И в эту же секунду включился освещающий всю парковку свет дополнительных светильников, означающий, что через полчаса наступит комендантский час.

— Очень вовремя! — проревел Бертон, щуря глаза от резкого свечения. На этот раз он был уверен, что матерится. Мат не только выражал его чувства, но и, как ему казалось, притуплял боль. Он решил не строить из себя героя-мученика, а направился напрямик в больницу, предварительно спрятав опустевший пистолет и окровавленный нож в бардачке, чтобы не возникало ненужных вопросов, если кто-то проверит его одежды. А еще он думал о том, отправлять ли нож, сызнова омытый кровью, на повторную экспертизу, но все же решил, что лучше не злоупотреблять дружелюбием доктора Алима. «И если я так скоро притащу ему тот же нож с уже другой, свежей кровью, он точно сдаст меня, не боясь рискнуть работой и будущей пенсией».

— Твою мать, да что это вообще было?! — крикнул он в пустоту. Запястье пульсировало так, что он уже был готов его лишиться, кровь из-под разрезанной куртки стекала на сиденье, а из носа — окрашивала грудь. Бертон чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Но вот в поле зрения показалось здание больницы.

Глава 8: Предательство

В баре было светло, но, наконец, кроме амбре алкоголя, в воздухе витала терпкая нотка душкa человеческого пота, впервые за последние несколько дней. Постоянные клиенты, Охотники, начали постепенно возвращаться к размеренной жизни тех, кем они являлись, — борцами с Тенями. Но помимо запаха пота, в воздухе висело более выраженное зловоние беспокойства и даже страха; каждый боялся повторения недавних кровавых событий, но организация «Тенелов» больше не могла позволить себе ничегонеделанье; Тени постепенно начали возвращаться на городские улицы.

Когда в бар вошел Джон, взгляды тут же устремились на него, словно все опасались, что сюда мог зайти одержимый, но увидев знакомого Охотника, люди вернулись к поглощению алкоголя и тихим разговорам. Джону очень захотелось двинуть какую-нибудь пламенную и воодушевляющую речь, чтобы всех взбодрить и напомнить, кто они есть, напомнить о долге, но он сдержался, есть дела и поважнее.

Открыв дверцу барной стойки у стены, Джон знаком позвал за собой Бобби и прошел в небольшую комнату.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал Бобби, зайдя вслед через секунду.

— Прости, просто тут такое случилось, что я решил не тратить зря время.

— Что случилось? — послышался голос у двери. В проеме стояла Машери.

— Машери? Я хотел поговорить с Бобби наедине.

— Не тупая, разобралась. Это ведь касается Майлза и всей этой кутерьмы, да? Я по твоим глазам поняла, Синигами.

Джон тяжело вздохнул. Почти все Охотники имели прозвища, многие из которых

придумали себе сами, но Джон являлся одним из тех, кого прозвали остальные. Синигами — Бог смерти в японском фольклоре. Так как он носил за спиной именно японский меч и был мастером лишать жизни, это прозвище подходило ему идеально, однако сам он его почему-то не любил, о чем всем постоянно напоминало его кислое выражение лица, когда кто-то его так называл. Но всем на это плевать.

А еще Джон поморщился потому, что понял, что Машери сегодня не та девушка, которую все считали ранимой и вообще размазней, а другая, грубая и неотесанная, словно ломанный кирпич. Мало кому нравилась эта ее вторая личность.

— Уверена, что хочешь все знать?

— Конечно! Я трахалась с Тором не из-за его большого члена. Хотя, конечно, и поэтому тоже.

Джон снова удивился Машери. Второй личности Майлз нравился тоже? Значит и Майлзу нравилась вторая личность? Да, плохо я его знал.

Он решил начать издалека:

— Бобби, что ты знаешь о том, что стало с телом Майлза?

— С телом Майлза? — удивился Бобби. — Ну, всех убитых Охотников кремируют.

Считается, что Тень неспособна вселиться в уже мертвое тело, но почти каждый год информация о них пополняется, и то, что раньше считалось необоснованной теорией, нынче может по максимуму использоваться в борьбе с исконным врагом.

— Тебе кто-нибудь отчитывался из «Тенелова»? — спросил Джон.

— Отчитывался? — усмехнулся Бобби. — А зачем мне отчитываться? Такие вещи меня не касаются, и меня никто в них не посвящает.

— Слушай, — нетерпеливо вмешалась Машери, — давай говори, зачем пришел, задрал уже тянуть кота за лямки.

Бобби глубоко вдохнул и медленно выдохнул, но все же промолчал.

— Короче, буквально минут двадцать назад у меня дома сидел Майлз. Живой и здоровый.

Бобби ошеломленно открыл рот. Даже Машери не нашла, что сказать. Не дождавшись иной реакции, Джон продолжил:

— Он сказал, что его смерть была подставой.

Он пересказал весь разговор, что состоялся у него с Майлзом. За все это время ни Бобби, ни Машери не проронили ни слова, хотя девушка иногда и хотела что-то сказать, но не находя подходящих слов, с клацаньем зубов закрывала рот.

— Так ты считаешь, что его комментарий по поводу Рождества был не просто так? — спросил Бобби, когда Джон закончил.

— Он сказал, что будет шумно. Зачем ему это говорить, если это не подсказка? Тем более ты знаешь, что на Рождество...

— Комендантский час отменяется, — закончил за него Бобби. — Этой ночью на улице будет настоящее столпотворение.

— И что это, нахрен, значит? — вежливо поинтересовалась Машери.

— Мне надо позвонить, — сказал Бобби, помолчав минуту. — Вы идите в зал, там за стойкой моя помощница, она нальет вам, что пожелаете. — С этими словами он развернулся и пошел вглубь комнаты, туда, где у него находился погреб.

— Не иначе как за бластером поперся, — усмехнулась Машери и вышла за дверь. Джон двинулся следом.

Сам не зная почему, Джон надеялся, что когда он все расскажет Бобби, тот сразу же скажет что-нибудь приободряющее, похлопает его по плечу и улыбнется, как делал это раньше, когда Джон еще был подростком, только-только узнавшим о борьбе добра со злом, и что он сам является острием этой борьбы. Если бы не Бобби, Джон бы сдался еще после первой встречи с Тенью один на один на импровизированном поле боя, развернувшемся в центре города. Его тогда так трясло, что ноги едва не рассыпались в труху, а меч превратился в многотонную абсолютно бесполезную палку, и одна единственная Тень казалась ему целым легионом непобедимых адских демонов.

С тех пор минуло много лет, больше, чем Джон рассчитывал прожить. Мир, который после Катастрофы потерял свои яркие краски, не изменился. Все также темно, даже днем, и невозможно понять, это из-за того, что Землю наводнили монстры из мира, где не бывает света, или же сами глаза больше не способны распознавать что-то светлее темных подворотен.

— *Какие все сегодня угрюмые.*

— Заткнись.

— Чего?

— О, прости Блэкснейк. Я это не тебе.

— Сам с собой разговариваешь? — усмехнулась она.

— Есть немного.

Блэкснейк сидела за стойкой рядом с Джоном через стул и пила коктейль трубочкой. Как и Мультголова, она скрывала свою личность, но вместо маски постоянно носила респиратор, фильтры которого являлись фальшивыми, хотя некоторые полагали, что лишь один. Сам респиратор был разукрашен в стиле киберготов и имел черный цвет с кислотно-красными фильтрами, на которых изображался символ биологической опасности. Как минимум в одном круглом фильтре — точно фальшивом — можно было прокрутить внешнюю заслонку, открывая небольшое отверстие, через которое Блэкснейк и поставляла в организм по трубочке алкоголь.

Волосы девушки представляли собой не особо толстые дреды, свисающие ниже плеч, с темно-красными вплетенными нитями. В глазах у нее находились линзы, делающие склеру черной, а радужку такой же темно-красной. Многие считали, что глупо носить респиратор, чтобы скрыть лицо, когда все остальное так выделяется, однако никто так и не узнал ее настоящую личность или хотя бы имя. Хотя, конечно, наверху знали все.

— Что у вас там за собрание было? — поинтересовалась она немного безучастно. Из-за респиратора голос ее звучал чуть приглушенно.

— Да так, — отмахнулся Джон, — небольшие проблемы. Скорее всего, вы все сами скоро узнаете.

Блэкснейк пожала плечами и снова принялась за коктейль.

— Слышала, тебе тут недавно досталось, — сказала она, допив коктейль и заказав новый.

— Дважды.

Она усмехнулась:

— А я думала, Синигами бессмертны.

— Так я и не умер.

— Но был к этому близок.

Теперь пришла очередь Джона пожимать плечами. Если бы в первый раз ему не вышиб

дух дубиной другой Охотник, все сложилось бы не так страшно. Второй раз его спас случайный — хотя нет, не случайный — свидетель. Можно сказать, что в первый раз ему просто не повезло, а во второй наоборот. Баланс соблюден.

Блэкснейк пересела поближе к Джону.

— Кстати, а ты где была? — поинтересовался он.

— Ездила в Европу, там проводился просто зашибенный фестиваль электронной музыки. Отожгла по полной! Тебе бы тоже не мешало расслабиться, а то выглядишь каким-то зашибленным, словно не ту таблетку проглотил.

Джон усмехнулся. И правда, последние дни у него выдались не самыми приятными, столько всего навалилось, что хотелось просто лечь и лежать, пока все не закончится, и чтобы его не трогали, даже если начнется Армагеддон. Но он понимал, что его не оставят в покое, не теперь, когда он в центре зарождающегося урагана.

[Купить полную версию книги](#)